

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П.АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П.Астафьева)

Институт/факультет Исторический факультет
(полное наименование института/факультета)
Кафедра Отечественной истории
(полное наименование кафедры)
Специальность 050100.68 Педагогическое образование,
историческое образование
(код ОКСО и наименование специальности)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой Отечественной истории
(полное наименование кафедры)
И. Н. Ценюга
(подпись) (И.О.Фамилия)
« _____ » _____ 2015 г.

Выпускная квалификационная работа

**Бронзовый век Нижней Ангары по материалам поселения
Скородумный Бык**

Выполнил студент группы _____

Л. А. Максимович
(И.О.Фамилия)

(номер группы)
17.12.2015г.
(подпись, дата)

Форма обучения _____

заочная

Научный руководитель:

канд. ист. наук, доцент

Е. В. Акимова
(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

Е. Акимов - 17.12.2015г.
(подпись, дата)

Рецензент

канд. ист. наук, доцент

А. Л. Заика
(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

А. Заика - 17.12.2015г.
(подпись, дата)

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск
2015

Содержание	стр.
Введение.....	3
1. История археологического изучения памятников бронзового века Нижней Ангары	7
2. Характеристика и систематизация материала бронзового века поселения на Скородумском Быке.....	16
2.1. Характеристика памятника и культурного слоя бронзового века.....	16
2.2. Систематизация керамических артефактов.....	18
2.3. Систематизация каменных артефактов.....	23
3. Вопросы датировки и культурной принадлежности материалов поселения на Скородумском Быке.....	31
4. О некоторых видах хозяйственной деятельности на поселении на Скородумском Быке.....	43
Заключение.....	56
Список источников и литературы.....	58
Список иллюстраций.....	68
Иллюстрации.....	69

Введение

Проблема исследования заключается в слабой изученности культурно-исторических процессов Древней истории Сибири. Не исключением является и бронзовый век южнотаежной зоны Средней Сибири, в которую входит долина р. Ангары в нижнем своем течении. Большинство известных сегодня археологических памятников этого региона содержат материалы бронзового века в смешанных комплексах, вместе с находками неолита и раннего железного века. Такие условия залегания затрудняют выделение «чистого» культурно-хронологического комплекса бронзового века, который выступает основой для сложения, в дальнейшем, культурной составляющей эпохи палеометалла. Поэтому открытие памятника с однослойным залеганием материала может восполнить образовавшийся пробел в наших знаниях по этому вопросу.

Актуальность исследования вытекает из необходимости более полного изучения материальной культуры древнего населения региона. Не смотря на то, что бронзовый век нижнего течения р. Ангары изучается уже более 100 лет, все еще остается ряд нерешенных вопросов, касающиеся датировки этого периода и культурной принадлежности его памятников. В ходе полевого изучения поселения на скальном массиве Скородумский Бык были получены материалы, представляющие единый культурно-хронологический комплекс бронзового века. Эти данные служат важным источником для построения культурно-хронологической схемы исторического развития региона.

Объект исследования: бронзовый век нижнего течения р. Ангары.

Предмет исследования: археологические материалы, полученные в результате исследования поселения на Скородумском Быке.

Целью исследования является определение датировки и культурной принадлежности археологических материалов из поселения на Скородумском Быке.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. обобщить сведения об археологическом изучении памятников бронзового века нижнего течения р. Ангары;
2. охарактеризовать и систематизировать материалы бронзового века поселения;
3. через сравнительный анализ с материалами сопредельных территорий установить их датировку и культурную принадлежность;
4. реконструировать основные элементы хозяйственной деятельности древних людей на поселении.

Территориальные рамки исследования охватывают южнотаежную зону долины нижнего течения р. Ангары. Под нижним течением мы понимаем район от устья р. Илим до Стрелки – устья р. Ангары, основываясь на гидрологическом принципе деления реки [Панюхин, Глушенко, 2012, с. 27].

Хронологические рамки исследования определяются датировками материала из комплекса бронзового века поселения на Скородумском Быке, которые лежат в рамках середины III – II тыс. до н.э. Широко обозначенный хронологический диапазон обусловлен отсутствием абсолютных дат времени появления в регионе первых изделий из медесодержащих сплавов и интервалом их широкого использования.

Методология и методы исследования. В данной работе использовались как эмпирические методы научного исследования (наблюдение, измерение, эксперимент), так и общелогические (анализ, синтез, индукция, аналогия).

Кроме того, применялись специализированные методы археологического исследования, такие как, морфологический, типологический, стратиграфический. Для определения датировки и культурной принадлежности использовался метод сопоставления и аналогий.

Элементы хозяйственной деятельности восстанавливались методом исторической реконструкции и эксперимента.

Для описания форм сосудов использовалась схема деталей сосудов, разработанная В. Ф. Генингом (рис. 1) [Генинг, 1973, с. 116]. Для обозначения конструктивных частей венчиков использовалась номенклатурная схема, разработанная О. И. Горюновой и Н. А. Савельевым (рис. 2) [Горюнова, Савельев, 1981, с. 120]. При систематизации каменного инвентаря, использовалась классификационная схема Ю. Ф. Кирюшина, Т. И. Нохриной, В. Т. Петрина [Кирюшин, Нохрина, Петрин, 1993].

Источниковую базу исследования составили археологические материалы, полученные при раскопках поселения на Скородумском Быке в 2013 г. Работы на памятнике проводились отрядом Археологической экспедиции Сибирского федерального университета под руководством С. М. Фокина при непосредственном участии автора квалификационной работы. Также были использованы материалы научных отчетов, хранящихся в архиве Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири СФУ [Фокин, 2010; Сенотрусова, 2013]. Привлекались и коллекции материалов, хранящиеся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея.

Научная новизна работы заключается во вводе в научный оборот новых материалов, полученные в результате полевых работ. В ходе проведения исследования были впервые систематизированы, обобщены и комплексно оценены керамические и каменные артефакты, рассматриваемые в рамках единого культурно-хронологического комплекса.

Кроме того, рассмотрены схожие керамические традиции сопредельных регионов и проведена сравнительная характеристика с материалами памятника. Впервые для керамики нижнего течения р. Ангары проведен эксперимент по определению инструмента, которым на стенки сосудов наносились «рубчатые» оттиски.

Практическая значимость. Результаты данного исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов по древней истории и

археологии Сибири, написания обобщающих статей, монографий, учебных пособий, а также для создания музейных экспозиций. Материалы поселения представлялись на выставках, проходивших в Сибирском федеральном университете: «Древности таежного края» в 2014 г. и «Эпоха палеометалла Ангары и Енисея» в 2015 г.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения исследования были представлены и обсуждены на научных конференциях различного уровня: «LIV региональной археолого-этнографической конференция студентов, аспирантов и молодых ученых» в г. Красноярске в 2014 г., «LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых» в г. Иркутске в 2015 г. и на итоговой конференции «Международной полевой археологической школы» в г. Болгаре (респ. Татарстан) в 2015 г.

Кроме того, некоторые положения представленного диссертационного исследования были отражены в четырех научных публикациях автора:

1. «Каменные изображения рыб с поселения Скородумный Бык на Ангаре» в сборнике тезисов конференции «Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии», 2014 г.

2. «Рубчатая» керамика поселения Скородумный Бык на р. Ангаре» в сборнике «Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых», 2015 г.

3. «О некоторых аспектах технологии изготовления керамики бронзового века поселения Скородумный Бык» в сборнике материалов итоговой конференции Международной полевой школы в г. Болгаре, 2015 г.

4. «Материалы бронзового века поселения-могильника Скородумный Бык» в сборнике научных трудов «Древности Приенисейской Сибири» в соавторстве с С. М. Фокиным, 2015 г.

1. История археологического изучения памятников бронзового века нижнего течения р. Ангары

Поселение на скальном массиве Скородумский Бык находится в нижнем течении р. Ангары. Изучение бронзового века Нижней Ангары чаще всего проходило совместно с работами на среднем и верхнем участках течения реки и изучением памятников неолита.

Научное изучение и поиск археологических памятников неолита и бронзового века на Нижней Ангаре было положено консерватором Иркутского музея Н. И. Витковским, который в 1882 г., совершил разведку от г. Иркутска до устья р. Тасеевой. Им была осмотрена стоянка в устье р. Чадобец, совершены сборы подъемного материала, каменных орудий, обнаружены остатки разрушенного погребения со следами медного окисла, а на пашне найден «наконечник стрелы из красной меди и обломок медного топора» [Витковский, 1889, с. 6-9].

Н. И. Витковским отмечается, что первым обнаружившим в 60-х XIX Чадобецкую неолитическую стоянку был горный инженер И. А. Лопатин, собравший там богатую коллекцию каменных орудий. Так же от местных жителей он узнал, что стоянку посещал еще и енисейский врач Вицин, увезший значительную коллекцию человеческих черепов и каменных орудий [там же, с. 4]. Также в ходе разведки была открыта стоянка в устье р. Тасеевой [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 191]. В 1887 г. Н. И. Витковским был обнаружен могильник в Глазковском предместье г. Иркутска у «Приюта», где позже в 1897 М. П. Овчинников обнаружил погребения с медными предметами, материалы которых положили основу для выделения первой культуры бронзового века Приангарья, названной в статье 1904 г. «иркутской» [Окладников, 1950, с. 34, 54].

Археологические исследования на Нижней Ангаре после длительного перерыва возобновились в советский период и были связаны с проходившим

активным хозяйственным освоением территории, в основном, строительством каскада ГЭС.

В 1930-1939 гг. Иркутским краеведческим музеем и Восточно-Сибирским отделом географического общества под руководством А. П. Окладникова было проведено сплошное обследование долины р. Ангары от о. Байкала до устья [Окладников, 1950, с. 40]. В том числе в 1937 г. впервые на Нижней Ангаре обнаружены погребения бронзового века в районе с. Чадобец, на р. Копте (погребение № 1) и на р. Чириде. В работе 1939 г. «Неолитические находки в низовьях Ангары» дается очень краткое их описание, и на основании сходства погребального обряда (ориентировкой направлению реки, распространением скорченных костяков) и сопроводительного инвентаря (наличием меди, белого нефрита, бус из пасты и раковин, украшений из клыков оленя) А. П. Окладников делает вывод о близости данных погребений с материалами глазковского времени Прибайкалья. Приводится реконструкция энеолитического костюма [Окладников, 1939, с. 184–185; Дударек, Лохов, 2014, с. 55].

Помимо могильных комплексов в ходе экспедиций было открыто большое количество археологических памятников, в том числе такие многослойные стоянки как Усть-Кова, Кода, Усть-Илим, Карабула и т. д., обследовано устье р. Чадобец [Дроздов, Дементьев, 1974, с. 218; Васильевский, Бурилов, 1971, с. 203-250; Макаров, 1984, с. 170].

Богатые материалы неолита и бронзового века, полученные в ходе многолетних работ экспедиции, были положены в основу трехтомной монографии Алексея Павловича «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», вышедшей в 1950 и 1955 гг. В ней впервые была разработана схема периодизации неолита и бронзового века, который был поделен исследователем на три этапа. К энеолиту относился глазковский этап, существовавший в рамках около 1700-1300 л. до н.э., характеризующийся появлением металла в рассматриваемом регионе. Далее следовал шиверский этап (1300-800 гг. до н.э.) – дальнейшее развитие местной металлургии, и

бронзовый век (800-300 гг. до н.э.), в котором происходило постепенное вытеснение каменных орудий металлическими [Окладников, 1950, с. 139].

Однако в издание вошли только памятники долины верхней Ангары от Байкала до Братска (более 200 погребений глазковского типа). А погребения, обнаруженные на Нижней Ангаре, по мнению исследователя, несмотря на их сходство с прибайкальскими, выделяются в особый местный вариант [Окладников, 1950; 1955, с. 12].

Разработанная А. П. Окладниковым культурно-хронологическая схема бронзового века Прибайкалья, несмотря на критику, стала основой для дальнейших исследований и применялась для идентификации материалов нижнего и среднего течения р. Ангары.

Активизация археологических исследований на Нижней Ангаре в 1960-х гг. была связана со строительством Усть-Илимск ГЭС.

В 1967 г. Дальневосточной комплексной экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР был создан Илимский отряд под общим руководством А. П. Окладникова, для работ в зоне затопления строящейся ГЭС. Под затопление попал участок реки Ангары от г. Братска до устья р. Илим, где находилось большое количество археологических памятников, выявленных экспедицией 1937 г. В основном, обследованию подверглась территория долины р. Илим [Васильевский, Аксенов, 1971, с. 135, 137]. Комплексы бронзового века выделены на памятниках Усть-Илим, Бадарма, Усть-Тушама [Васильевский, 1978, с. 149]. В 1967-1968 гг. Р. С. Васильевским были проведены раскопки многослойного поселения в устье р. Илим [Васильевский, Аксенов, 1971, с. 167-169; Васильевский, Бурилов, 1971, с. 203-250]. Вскрыто два погребения эпохи бронзы в устье р. Карапчанки, результаты их исследования даны в очень сжатом виде [Васильевский, 1970, с. 26].

С 1969 г. начинаются проектно-изыскательских работы по строительству Богучанской ГЭС. Комплексной археологической экспедиции (КАЭ) Иркутского государственного университета под руководством

Г. И. Медведева обследуется долина Ангары от с. Кеуль до пос. Пинчуга [Дроздов, Дементьев, 1974, с. 205]. С 1974 г. археологическое изучение памятников Нижней Ангары проводится также и Северо-Ангарской археологической экспедицией КГПИ под руководством Н. И. Дроздова [Дроздов, Макулов, 2009, с. 64].

В 1970-80-х проводились раскопки на стоянках Усть-Кова, Чадобец, Кода, Бадарма I и II, Усть-Илиме, на стоянке-могильнике на о. Сосновом, на стоянке Пашино (напротив устья р. Каты), Толстый Мыс, Невонке, Окуневке, Парте [Дроздов, Дементьев, 1974, с. 218; Дроздов, 1988, с. 49, 113, 121; Дроздов, Макулов, 2009, с. 64; Бурилов, Березин, 1987, с. 118]. На данных памятниках выявлен материал бронзового века в мешаном слое, содержащий артефакты, относящиеся к другим периодам.

По результатам данных работ в 1988 г. выходит монография Р. С. Васильевского, В. В. Бурилова, Н. И. Дроздова «Археологические памятники Северного Приангарья». Это первая монография, обобщающая материалы эпохи камня, полученные при раскопках данной территории. На представленных в работе памятниках, помимо неолитических материалов, по всей видимости слои имеют мешанный характер и вмещают в себя также и керамику эпохи бронзы (Тушама, Бадарма I и II, Парта, Чадобец, Усть-Илим) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

Одновременно проходили и масштабные разведочные работы, были открыты десятки новых памятников [Дроздов, Макулов, 2009, с. 64]. Помимо раскопок и разведок проводились работы по выявлению и фиксации петроглифов нижнего течения р. Ангары от Мурского порога до устья Ангары.

С 1973 г. в работы на Нижней Ангаре включается археологическая экспедиция Красноярского краеведческого музея – проводятся совместные с ИГУ раскопки многослойной стоянки в устье р. Чадобец. Экспедицией музея в 1974–1975 гг. обследовано и открыто 15 памятников эпохи неолита, бронзы

и железного века (в том числе стоянки у рек Ката и Тасеево, могильник на острове Сосновом) [Макаров, 1989, с. 163].

С 1982 по 1985 гг. на многослойной стоянке Усть-Карабула проводились стационарные археологические раскопки экспедицией КККМ под руководством Н. П. Макарова [Макаров, 1984, с. 170]. В 1970 – 1973 гг. стоянка осматривалась экспедицией ИГУ [Макаров, 2013, с. 130]. В сезонах 1984-1985 гг. на памятнике был выделен культурный горизонт эпохи бронзы, отделенный стерильными прослойками песка от горизонта железного века и неолита, локализуемый только в определенной части раскопа [Макаров, 1989, с. 169, 172-173; 2013, с. 131]. Работы на памятнике были продолжены в сезоне 2008 г. В 2013 г. была опубликована сводная статья, подытоживающая работы в течение пяти полевых сезонов, представлен комплекс керамики бронзового века, дана его датировка [Макаров, 2013, с. 131].

С 1981 г параллельно с археологической экспедицией КККМ начинает работать археолого-этнографическая экспедиция под руководством В. И. Привалихина. Обследуется нижнее течение Ангары в зоне затопления Богучанской ГЭС от г. Усть-Илимска до с. Кежмы, раскопаны 15 погребений бронзового и железного веков. На островах Отика, Сосновый мыс, Сергушкин изучались погребения бронзового века (на разновременном могильнике Сергушкин-3 - погребения 2, 3, 5; могильник Сосновый Мыс-2 - погребение № 1; стоянка и могильник Сергушкин-1 пункт «А» – погребение № 2 (поздний неолит – ранняя бронза)) [Макаров, 1989, с. 168; Привалихин, 2009, с. 300; Привалихин, 1998, с. 72-74; Привалихин, 2013, с. 78-80].

В ходе разведочных работ на Ангаре открыты и обследованы стоянки на островах Отика, Сосновый, Сергушкин, Сосновый-Селенгинский и в устьях речек и ручьев Крестовки, Мельничного, Слопцы, Нижняя, Колпакова и в районе Игреньковской шиверы. Собран материал эпохи неолита, бронзы и железного века [Макаров, 1989, с. 169, 172]. В 1986 г. В. И. Привалихиным открыта стоянка Капонир, раскопки проводились в 1987, 1989, и 1995 г.,

выявлен смешанный слой, содержащий материалы бронзового века [Васильевский, Березин, Привалихин, 1996, с. 32, 34].

В 1990-е продолжались работы ИАЭТ СО РАН в зоне строящейся БогЭС. Исследовались стоянки Усть-Кова, Кода, Парта, Берямба, Окуневка [Васильевский, Березин, Дроздов, 1995, с. 150, 152].

С 1991 г. на Нижней Ангаре проводит археологические работы экспедиции Красноярского краевого Дворца пионеров и школьников под руководством П. В. Мандрыки. В 1995 г. им, уже в качестве руководителя археологической экспедицией Красноярского госуниверситета, в устье р. Ангары было открыто поселение Стрелковское-1. В 2002-2004 гг. и в 2008-2009 гг. на объекте были организованы стационарные исследования, открыты новые поселения и стоянка (поселения Стрелковское-2 и 4, стоянка Стрелковская-3). Группа памятников получила название Стрелковский археологический микрокомплекс [Фокин, 2009, с. 1-2]. Керамика бронзового века, найденная на данном комплексе, свидетельствуют о влиянии культуры подтаежной подзоны долины Енисея, представленной материалами поселения Бобровка [Мандрыка, Фокин, 2003, с. 4].

С 2007 г. возобновлены работы в ложе строящейся Богучанской ГЭС. С 2008 по 2012 гг. проведены масштабные археологические раскопки многочисленными отрядами ведущих научных организаций Сибири. Вскрыто 165 тыс. кв. м. на более 200 объектах археологического наследия, датированных в широком хронологическом диапазоне от палеолита до русского времени. Однослойные стоянки и комплексы бронзового века без примесей материалов других эпох были зафиксированы на памятниках: Чирида, Капонир, Ручей Конный-3; Большая Пеленда. Погребения бронзового века обнаружены на стоянках Паново-4, Усть-Тушама-1. Многослойные комплексы, содержащие материалы изучаемой эпохи в смешанном состоянии, найдены на ансамблях памятников Шивера Проспихино и Паново, стоянках Кода 2 и 3, Утес Медвежий, Камешок,

Колпаков ручей, Парта, Сосновый мыс, Усть-Кеуль-1, Усть-Тушама-1 и др. [Славинский, Цыбанков, 2014, с. 252-253].

Богатые материалы, полученные в ходе работ, опубликованы пока только в виде обобщающих кратких статей сборника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» за 2009-2012 гг. Также в 2014 г. вышла коллективная монография «Богучанская археологическая экспедиция», где в сжатом виде отражены основные результаты экспедиции, дана общая характеристика опорных памятников, представлены наиболее яркие находки [Богучанская археологическая..., 2014]. Материалы работ постепенно публикуются в различных сборниках, но обобщающей подробной многотомной монографии пока не издано.

В 2010 г. Отрядом Археологической экспедиции музея СФУ под руководством С. М. Фокина на Нижней Ангаре проводились разведочные работы, в результате которых были открыты стоянка Пашенная и поселение на скалистом массиве Скородумский Бык. Стоянка датируется бронзовым веком, а поселение – от неолита до позднего Средневековья (ЛАСФУ. Р-1. №106. Л. 28).

В сезонах 2012–2013 гг. впервые были проведены спасательные археологические работы не только на берегах Ангары, но и на ее южных притоках – в долинах р. Чуны (стоянка им. Генералова) и р. Муры (стоянка Итомиура). Изучение археологических объектов, расположенных на притоках крупных рек представляет значительный научный интерес, т. к. позволяет выявить «чистые» комплексы, в отличие от берегов Ангары, использующихся как коммуникативный коридор для миграции населения различных культур и эпох [Стоянка им. Генералова..., 2014; Мандрька, Сенотрусова, 2014].

Археологические работы 2012 г. на стоянке Итомиура позволили выявить локальные культурно-хронологические комплексы, расположенные на различных участках террасы р. Муры. Среди них выделено несколько

площадок с материалами конца бронзового – начала железного века и бронзового века [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 63-72].

В 2013 г. отрядом археологической экспедиции СФУ под руководством С. М. Фокина были проведены раскопки поселения на Скородумском Быке в восточной части памятника, где был обнаружен условно «чистый» культурный слой бронзового века. Еще один памятник в нижнем течении р. Ангары, содержащий однокультурные материалы бронзового века Абакан-18, был открыт в 2007 г. отрядом археологической экспедицией СФУ [Сенотрусова, 2015, с. 52].

Таким образом, научное изучение археологических памятников бронзового века Нижнего Приангарья насчитывает более 130 лет, но, не смотря на это, данная эпоха остается слабо изученной в древней истории региона. В своей основе данная проблема имеет несколько причин.

1. Экстенсивный характер изучения памятников нижнего течения р. Ангары. Большинство объектов были раскопаны в ходе спасательных работ большими площадями, при этом материал зачастую тщательно не фиксировался. Не проводилось достаточное количество естественнонаучных анализов, способствующих определению датировок. При этом результаты работ остаются неопубликованными по настоящее время или опубликованы очень кратко, в тезисной форме.

2. Отсутствие многослойных, хорошо стратифицированных памятников со стерильными прослойками, отделяющими материалы бронзового века от неолита и РЖВ и разделяющие эпоху на этапы. В основном все многослойные стоянки содержат в одном литологическом слое в компрессионном смешанном состоянии находки неолита и бронзы, не поддающиеся планиграфическому разделению. Исключением является стоянка Усть-Карабула и стоянка Капонир, где слой бронзы отделен от неолита и РЖВ, но только на небольшом участке раскопа. Характеристика материала стоянки Усть-Карабула Н. П. Макаровым дана кратко, не опубликован каменный инвентарь, относящийся к «чистому» слою.

Материалы стоянки Капонир также пока опубликованы сжато, в виде тезисов.

3. Малое количество зафиксированных «чистых» поселенческих комплексов, содержащих однокультурные материалы. Такие комплексы позволяют надежно связать керамику с каменной индустрией и дать ей характеристику. К ним относятся локальные культурно-хронологические комплексы стоянок Итомиура и Абакан-18, поселения на Скородумском Быке.

4. Малое количество обнаруженных погребальных комплексов на Нижней Ангаре, например, по сравнению с Прибайкальем, и отсутствие крупных могильников данного периода. Причем, для изученных погребений практически отсутствуют радиоуглеродные даты, а отнесение их к бронзовому веку основано на схожести погребального инвентаря с прибайкальскими материалами.

Первой попыткой обобщить имеющиеся данные по погребениям нижнего течения Ангары стала статья Д. Н. Лохова, С. П. Дударька 2014 г., в которой рассмотрен погребальный инвентарь и определены особенности погребального обряда. Исследователи отмечают схожесть погребений нижнего течения р. Ангары с могильными комплексами Прибайкалья, и на основании прямых аналогий с сопредельным регионом датируют комплексы в рамках 4500-2800 л. н., разбивая на ранний (4500-3500) и поздний (3400-2800) этапы [Дударек, Лохов, 2014].

Несмотря на достаточную условность данных датировок, выработать более точную культурно-хронологическую схему для района нижнего течения р. Ангары на данном этапе не представляется возможным в связи с вышеуказанными проблемами, а также отсутствием возможности провести корреляцию между погребальными и стояночными комплексами. Таким образом, введение в научный оборот результатов раскопок комплекса бронзового века на Скородумском Быке позволит внести вклад в решение данных вопросов.

2. Характеристика и систематизация материала бронзового века поселения на Скородумском Быке

2.1. Характеристика памятника и культурного слоя бронзового века

Памятник находится в 2,3 км юго-западной с. Рыбное на поверхности 22-24-метровой террасы левого берега р. Ангары, занимающей всю площадь скалистого утеса Скородумский Бык. Протяженность памятника вдоль р. Ангары составляет почти 500 м, ширина вглубь террасы до 100 м. На этой территории параллельно краю террасы выявлены 74 котлована углубленных археологических объектов (древних жилищ), а на скальном мысу обнаружен грунтовый могильник (рис. 3).

Памятник открыт в 2010 г. С. М. Фокиным и был назван «Поселение, грунтовый могильник Скородумный Бык» (далее поселение на Скородумском Быке, поселение). В 2010 и 2012 гг. раскопом 69 м² на мысу были изучены поселенческие культурные слои, содержащие материалы от неолита до русского времени, а также 4 грунтовых погребения, среди которых одно раннего железного века и три – средневековых [Фокин, 2015, с. 102-105]. В 2013 году в западной части памятника на расчищенной от леса площадке под строительство опоры ЛЭП в раскопах № 2, площадью 162 м² и № 3, площадью 290 м² были изучены сохранившиеся культурные слои поселений неолита, раннего железного века и бронзового века (рис. 4) (ЛАСФУ. Р-1. № 111. Л 4.).

На разных участках памятника выделено 4 культурных слоя.

1 слой – относится к эпохе Средневековья. Он залегает в дерне и под дерном, в верхней толще темно-серой супеси на глубине 1 – 6 см от дневной поверхности. Слой был изучен в раскопе № 1.

2 слой – относится к раннему железному веку и отмечен в нижней толще темно-серой супеси – кровле бурой супеси на глубине 10 – 20 см от дневной поверхности. Слой обнаружен на раскопах № 1 и 2.

3 слой – относится к бронзовому веку, залегает в толще бурой супеси на глубине 22 – 35 см от дневной поверхности. Слой изучен на раскопах № 2 и 3.

4 слой – относится к неолиту, зафиксирован в подошве бурой супеси на глубине 35 – 42 см от дневной поверхности. Слой выявлен на раскопе № 1 и единичными находками отмечен на раскопе № 2 (рис. 5).

В данной работе анализируются материалы, полученные из раскопа № 3, который был заложен в глубине террасы, в 30 метрах от ее края, на площадке вокруг опоры ЛЭП. В культурном слое подавляющая масса находок представляла собой морфологически близкую керамику с «рубчатыми» отпечатками, за исключением двух фрагментов венчиков и одного фрагмента стенки от неолитических сосудов. Данный факт дал нам основание связать каменные артефакты с «рубчатой» керамикой и рассматривать полученные материалы в рамках условно «чистого» однокультурного комплекса.

Территория раскопа № 3 была подвергнута антропогенному воздействию, вследствие чего на всей площади был уничтожен дерн, практически полностью разрушен слой темно-серой супеси и частично верхняя часть бурой супеси. Кроме того, зафиксированы современные ямы, разрушающие всю толщу вскрытых отложений.

Мощность культурного слоя составляет 10-15 см. Визуально он не выделяется и определяется только по уровню залегания артефактов. К сожалению, следов очагов, кострищ, хозяйственных ям и других древних объектов не выявлено.

Обнаруженные в слое находки и их обломки залегали по площади раскопа неравномерно, и локализируются в его восточной части. Фрагменты керамики фиксировались отдельными черепками по всей площади раскопа или локализовались компактными скоплениями-развалами крупных частей сосудов.

2.2. Систематизация керамических артефактов

Наиболее распространенной категорией находок на раскопе является керамика. Всего найдено 540 фрагментов, из которых по венчикам выделено 15 сосудов. Целых форм не обнаружено, большинство сосудов представлено только одним или несколькими фрагментами венчика. Зафиксировано 5 фрагментов днищ и придонных частей, 3 фрагмента наlepных «ушек» (рис. 3). Ниже приводится характеристика каждого сосуда.

Сосуд № 1 закрытой формы, со слегка отогнутым наружу краем. Поверхность стенок гладкая, покрытая нагаром с внутренней и внешней стороны. Срез слегка скошен наружу. Основание шейки украшено поясом «жемчужин». Диаметр по венчику 12 см. (рис. 6 – 2).

Сосуд № 2 закрытой формы с профилированной шейкой и округлым дном. Восстанавливается значительная часть сосуда. К краю прилеплены два округлых «ушка» с вертикальными отверстиями, в придонной части отмечается еще одно «ушко» языковидной формы и без отверстия. Стенки покрыты «рубчатым» отпечатками. Венчик прямоугольный в сечении, с «рубчатыми», частично заглаженными оттисками. Основание шейки украшено поясом «жемчужин». Диаметр сосуда по венчику 9 см, высота не менее 14 см, объем около одного литра (рис. 6 – 1).

Сосуда № 3 простой закрытой формы, венчик подпрямоугольный в сечении, с небольшим наплывом по внешнему краю. Внутренний край украшен наколами трехзубой гребенки. Внешняя поверхность сосуда украшена двумя рядами таких же оттисков, наклонённых в разные стороны. Ниже расположена «жемчужина». На внутренней поверхности фиксируется нагар. (рис. 6 – 15).

Сосуд № 4 простой закрытой формы с «рубчатым» оттисками на стенках. Венчик в сечении подпрямоугольной формы. Под краем украшен двумя наклонными рядами наколов четырех-зубой гребенки, между которыми проходит пояс «жемчужин». Диаметр около 23 см (рис. 6 – 10).

Сосуда № 5 простой закрытой формы, покрыт с внешней стороны «рубчатыми» оттисками. Венчик подпрямоугольный в сечении, по внутреннему краю отмечаются округлые вдавления (пальцевые?). С внешней стороны под краем украшен чуть наклонными, почти вертикальными прочерченными прерывающимися линиями (ширина 0,4 см). Орнамент дополнен рядом «жемчужин» (рис. 6 – 14).

Сосуд № 6 простой закрытой формы. Стенки покрыты «рубчатой» выбивкой. Венчик подпрямоугольный в сечении, с наплывом по внешнему краю. Под краем орнаментирован рядами вертикальных длинных насечек с тремя бороздками и поясом «жемчужин». На внутренней поверхности фиксируется нагар (рис. 6 – 7).

Сосуд № 7 простой закрытой формы с «рубчатыми» оттисками. Венчик прямоугольный в сечении, с наплывом по внутреннему краю, который рассечен наклонными насечками с двойными бороздками. Такие же насечки нанесены с внешнего края. Ниже расположен ряд «жемчужин» и фигура, построенная из тонко прочерченных линии, расположенных параллельно и перпендикулярно друг другу. Часть внешней поверхности нескольких фрагментов отслоилась. На внутренней поверхности фиксируется нагар. Сосуд имел диаметр по венчику 23 см (рис. 6 – 3).

Сосуд № 8 закрытой формы со слегка отогнутым наружу краем. Стенки сосуда покрыты «рубчатым» оттисками. Венчик подпрямоугольный в сечении, по его поверхности нанесены прямоугольные штампы, местами заглаженные. С внешней стороны под краем сосуд украшен рядом наклонных насечек и горизонтальным рядом «жемчужин». Ниже, на тулове отмечены две фигуры в виде «пальмы», построенные из дугообразных парных наколов. Диаметр по венчику 22 см (рис. 6 – 4).

Сосуд № 9 закрытой формы со слегка отогнутым наружу краем, стенки и часть венчика покрыты «рубчатыми» оттисками. Венчик подпрямоугольный в сечении. Под краем сосуд украшен рядом наклонных двойных овальных наколов. Ниже расположен пояс «жемчужин» (рис. 6 – 6).

Сосуд № 10 простой закрытой формы с «рубчатой» выбивкой на стенках. Венчик прямоугольный в сечении, с наплывом по внутреннему краю, который рассечен вертикальными линиями двузубого орнамента. С внешней стороны под краем сосуд украшен рядом наклонных каплевидных двойных наколов, ниже расположен пояс «жемчужин» и ряд таких же наколов, с уклоном в другую сторону. Диаметр по венчику 34 см. С внутренней стороны фиксируется нагар (рис. 6 – 8).

Сосуд № 11 закрытой формы со слегка профилированным венчиком. Покрыт «рубчатыми» оттисками. Венчик подпрямоугольный в сечении и с внутреннего края орнаментирован наколами трехзубой гребенки. С внешней стороны под краем сосуд украшен рядом таких же наклонных наколов и поясом «жемчужин». Его диаметр по венчику 20 см (рис. 6 – 5).

Сосуд № 12 закрытой формы с легкой профилировкой края. Венчик сосуда прямоугольный в сечении, его внутренний край украшен подпрямоугольными наколами. С внешней стороны отмечается три ряда округлых наколов зубчатого наклонно поставленного орнамента, между которыми расположен ряд «жемчужин» (рис. 6 – 12).

Сосуд № 13 простой закрытой формы, с сильно заглаженной «рубчатой» выбивкой. Венчик сосуда прямоугольный в сечении, с наплывом по внешнему краю, его верхняя поверхность и внутренний край украшен отпечатками витого шнура. Под краем сосуд орнаментирован горизонтальными и наклонными рядами прерывистых оттисков шнура и поясом «жемчужин». Диаметр сосуда 25 см (рис. 6 – 11).

Сосуд № 27 простой закрытой формы с «рубчатыми» оттисками. Венчик прямоугольный в сечении, по внутреннему краю орнаментирован округлыми штампами с выпуклостью посередине. С внешней стороны сосуд украшен двумя рядами таких же штампов с наклоном в разную сторону. Между рядами проходит пояс «жемчужин». На внутренней поверхности фиксируется нагар. Диаметр сосуда около 29 см (рис. 6 – 9).

Сосуд № 24 простой закрытой формы с «рубчатými» отпечатками. Венчик слегка скошен наружу и украшен оттисками зубчатого штампа. Под краем сосуда нанесены тонкие наклонные прочерченные линии, образующие ромбическую сетку. На внутренней поверхности фиксируется нагар. Диаметр сосуда около 30 см. (рис. 6 – 13)

Кроме того, зафиксировано два фрагмента «ушек» с вертикальным отверстием и «рубчатými» оттисками, не соотнесенные с выделенными сосудами.

Из описания следует, что все сосуды имеют закрытую форму: простую или сложную со слегка профилированным краем, плавно расширяющееся тулово и округлое дно (судя по имеющимся фрагментам днищ). Венчики прямоугольные в сечении, иногда с наплывом на внутреннюю или внешнюю сторону или с небольшим скосом на внешнюю сторону.

Стенки 14 сосудов из 15 в коллекции покрыты «рубчатými» оттисками. Этот технический декор образовывался путем выбивания стенок с внешней стороны колотушкой с параллельными желобками. Она оставляла на поверхности отпечаток из неглубоких бороздок, отстоящих друг от друга на расстоянии 1–2,5 мм. Бороздки примерно такой же ширины. «Рубчатые» следы располагаются на поверхности сосудов в основном горизонтально или изредка под наклоном (например, возле налипных «ушек»). С внутренней стороны под точку удара подставлялся твердый предмет выпуклой формы (возможно, округлая галька), следы от которого фиксируются в виде неглубоких вдавлений. На двух сосудах «рубчатые» оттиски фиксируются и по верхней поверхности венчика. После выбивания по сырой еще стенке наносился орнамент.

Орнамент занимает верхнюю часть сосудов, включая венчик. Верхняя поверхность венчиков пяти сосудов украшена различными оттисками: квадратного (рис. 6 – 4), овального (рис. 6 – 11), зубчатого штампа (рис. 6 – 13), «рубчатými» отпечатками (рис. 6 – 1, 6). У восьми сосудов дополнительно орнаментировалась внутренняя или внешняя поверхность

венчика. Для этого использовали вертикальные или наклонные оттиски гладких или зубчатых орнаментов.

С внешней стороны под венчиком нанесены различные вертикальные или наклонные оттиски: трехзубой гребенки (рис. 6 – 5, 15), прямоугольного или овального штампов (рис. 6 – 4, 6, 8-10, 12, 14), витого(?) шнура (рис. 1 – 11), насечек (рис. 6 – 3), прочерченные линии (рис. 6 – 7, 13). Орнамент дополнен под краем горизонтальным рядом «жемчужин», которые получались от вдавлений (ямки) с внутренней стороны округлым орнаментом диаметром от 0,4 до 1,0 см. В 12 случаях орнамент имел неровное окончание (наиболее схожие оттиски при использовании обломанной веточки), в остальных - округлое. На двух формах ямки были нанесены под наклоном к плоскости стенки, во всех остальных – перпендикулярно [Пупаева, 2015].

По сочетанию разных элементов и мотивов орнаментации представленную керамику условно можно разделить на несколько вариантов (рис. 7):

1-й вариант (2 экз.). Сосуды, украшенные под краем только рядом «жемчужин». В него вошли сосуды небольших размеров (рис. 7 – 1, 2).

2-й вариант (4 экз.). Сосуды, украшенные под венчиком поясом «жемчужин» и одним рядом наклонно поставленных насечек, овальных и гребенчатых наколов (рис. 7 – 3-6). В двух случаях основной орнамент дополняется на тулове композицией: фигурой в виде «пальмы» из дугообразных парных наколов (рис. 7 – 4); и фигурой в виде «полосы с перемычкой» из тонких прочерченных линии (рис. 7 – 5).

3-й вариант (6 экз.). Сосуды, у которых пояс «жемчужин» располагается между двумя или среди трех рядов вертикальных прочерченных линий, овальных и каплевидных наколов, зубчатых штампов, строящихся в мотив «наклонная полоса», «ёлочка» (рис. 7 – 7-13).

4-й вариант (1 экз.). Сосуд, украшенный под венчиком поясом «жемчужин» и прочерченными линиями, строящимися в ромбическую сетку (рис. 7 – 14).

5-й вариант (1 экз.). Сосуд, орнаментированный поясом «жемчужин» и горизонтальными и наклонными рядами прерывистых оттисков витого(?) шнура (рис. 7 – 15) [Пупаева, Фокин, 2015].

Исходя из представленного видно, что, сосуды комплекса на Скородумском Быке близки между собой. Они объединяются такими признаками как наличие под венчиком пояса «жемчужин» и «рубчатых» отпечатков на внешней поверхности. Достаточно часто орнамент дополняется рядами наколов, оттисков штампа, прочерченными вертикальными и наклонными линиями и другими простыми композициями.

2.3. Систематизация каменных артефактов

Каменный инвентарь включает в себя 173 предмета, из которых было выделено 4 (2,3 %) нуклеидных изделия, 29 (16,8 %) орудий их обломков и заготовок, 139 (80,3 %) фрагментов дебитаж (отщепов, сколов, осколков и обломков) и 1 (0,6 %) экземпляр заготовки предмета мелкой пластики.

Артефакты представлены разнообразными видами сырья кремнистых и осадочных пород различного гранулометрического состава. Осадочные породы (72%) преобладают над кремнистыми (28 %), что возможно связано с более редким распространением последних. При этом кремни достаточно плохого качества: они не однородны, трещиноваты, с «гнездами» кристаллов кварца и «пенистыми» включениями.

У двух сколов кремнистого сырья красного цвета наблюдается «маслянистый» блеск. Это возможно признак того, что сырье подверглось температурному воздействию. Исследователями отмечается, что постепенное нагревание породы до высокой температуры меняет его текстуру, цвет, она становится более однородной и ее легче обрабатывать. Основные признаки термообработки – это гляцевый блеск в сколе; блестящая поверхность

последних сколов и матовая поверхность сколов до обработки; изменение окраски породы [Уиттакер, Алаев, Алаева, 2004, с. 94-95; Гиря, 1997, с. 55].

Сырьем для изготовления орудий выступали желваки и продукты разрушения осадочных толщ. Среди продуктов расщепления отмечено только три первичных отщепа с окатанной поверхностью на дорсале. Они сняты с грубозернистого камня, мало пригодного для расщепления.

Дебитаж (139 экз.) представлен отщепами (59 %), сколами (31 %), пластинчатыми отщепами (6 %), осколками и обломками (4 %). Размеры дебитаж по оси скалывания не превышают 10 см, при этом наиболее распространённые две группы: 1) от 1 до 3 см – 64 % и 2) от 3 до 6 см – 33 % (чешуйки до 1 см и крупные фрагменты от 6 до 10 см составляют незначительный удельный вес – по 1,5 %). Доля предметов с первичной и полупервичной огранкой - 15 %.

Найдены отщеп и скол с шлифованной поверхностью – следы подправки или переоформления шлифованных орудий.

Нуклевидные изделия (4 экз.) представлены оббитыми кремневыми желваками и отдельностями осадочных пород аморфной формы с фрагментами естественной поверхности и «пенистыми» и кварцевыми включениями (кремнистые породы) на начальной и рабочей стадии производства. Целевая заготовка – отщеп (?).

Кремневый желвак (1 экз.) подкубовидной формы с выделенным уплощенным «фронтом» по которому выполнена серия центростремительных разноразмерных отщеповых снятий с серии подготовленных обратной оббивкой «площадок» расположенных по периметру «фронта» (рис. 8 – 1).

Изделие в форме подтреугольной призмы (1 экз.) с выделенным «фронтом», по которому выполнена серия разноразмерных отщеповых снятий в продольно-поперечном направлениях. Снятие отщепов производилось с периметрально расположенных площадок оформленных обратной оббивкой (рис. 8 – 2).

Изделие подпризматической формы (1 экз.), обработанное бифасиальной нерегулярной оббивкой образующей на 3/4 части контура предмета протяженное ребро. На бифасиально не обработанном конце поперечными снятиями образована плоская поперечная поверхность (площадка). Снятия с «площадки» по фасам изделия не производились. Рельеф фасов нерегулярный (рис. 8 – 3).

Следующее изделие (1 экз.) схожей формы, с бифасиальной нерегулярной оббивкой, образующей протяженное ребро, практически по всему периметру предмета. Поперечными снятиями подготовлено два уплощенных участка (площадки?), с которых по фасам снимались разноразмерные отщепы. Один из участков с двумя глубокими заломами (рис. 8 – 4).

Орудия их обломки и заготовки (29 экз.) представлены следующими морфологическими категориями (рис. 9).

Скребки (2 экз., 7 %). Один концевой скребок высокой формы на отщепе овальной формы с выпуклым лезвием. По дорсальной стороне обработан краевой периметральной многорядной чешуйчатой ретушью, крутой по лезвию и плоской по обушку и маргиналам. На вентральной поверхности также отмечается мелкая ретушь на обушке. На лезвии следов использования не отмечено, фиксируется скругление рабочей кромки на противоположном и боковом краях (рис. 9 – 3);

Второй скребок оригинален по форме и обработке. Он округлый с «ушками» в базальной части. Полностью бифасиально обработан захватывающей плоской ретушью. Скребок представляет собой как бы миниатюрную версию «топора илимского типа». На лезвии фиксируются следы использования в виде нитевидной залощенности, также она прослеживается локальным участком на боковом крае (следы крепления?) (рис. 9 – 4).

Обломок острия крупного бифаса (1 экз., 3,5 %) в форме равностороннего треугольника. Обработан захватывающими нерегулярными

снятиями, край приострен плоской мелко-средней ретушью. Фрагмент законченного изделия. Соотношение ширины к толщине составляет 7 к 1. (рис. 9 – 1).

Наконечники стрел разной стадии производства и морфологии (6 экз., 21 %)

Наконечник стрелы на начальной стадии изготовления (1 экз.). Заготовка выполнена на отщепе, первично сформирован листовидный абрис изделия. Обработан преимущественно дорсал, плоской краевой захватывающей субпараллельной ретушью. На вентрале обработан у острия и в медиальной части, где с целью удаления выпуклости, была сделана небольшая серия снятий, часть из которых закончилась заломами. Заготовка в продольном сечении не регулярная, в медиальной части утолщена и слабо изогнута (рис. 9 – 6).

Наконечник стрелы на финальной стадии изготовления (1 экз.). Листовидной формы с прямой скошенной базой. Острие обломано. Обработан бифасиально захватывающими нерегулярными снятиями с боковых краев и насада. На обеих сторонах в медиальной части фиксируются участки необработанной поверхности. Продольное сечение не регулярное, с утоньшением в медиальной части, обусловленное формой заготовки. Боковые края не ровные, зубчато-волнистые (рис. 9 – 5).

Наконечники стрел завершенные (4 экз.).

Наконечники стрел треугольной формы с черешковым насадом (2 экз.). У первого предмета переход к черешку плавный, плечики ассиметричные, нижняя часть черешка обломана. Полностью обработан захватывающими снятиями с маргиналов, характер обработки читается слабо в виду грубозернистости сырья. Наконечник толстый, соотношение толщины к ширине 1,5 к 0,8. Жало обломано (рис. 9 – 8).

Второй наконечник стрелы выполнен на отщепе, переход к черешку плавный, не выделенный. Общий абрис выведен, изделие обработано

краевой протяженной альтернативной микро-вертикальной ретушью. Контур в плане не регулярный, жало обломано (рис. 9 – 12).

Наконечник стрелы листовидной формы с черешковым насадом (1 экз.), черешок треугольной формы с симметричными плечиками. Следы обработки плохо читаемы в виду крупнозернистости сырья. Наконечник плоский, тонкий соотношение ширины к толщине 1 к 0,4 . Контур и края изделия выведенные, правильные (рис. 9 – 1).

Наконечник стрелы листовидной формы с прямой базой (1 экз.). Полностью обработан захватывающими нерегулярными снятиями с боковых краев и насада. Наконечник толстый соотношение ширины к толщине 1,3 к 0,7. В плане абрис регулярный, в профиле края не выровненные, с зигзагообразным контуром (рис. 9 – 7).

Обломок ножа(?) на отщепе (1 экз., 3,5 %). Один боковой край обработан унифасиальной дорсальной краевой мелкой плоской ретушью. Лезвие дугообразной формы и частично обломано вместе с дистальной частью отщепа-заготовки. Противоположный лезвию «обушковый» край специально не оформлен (рис. 9 – 2).

Тесло шлифованное (1 экз., 3,5 %) трапециевидной в плане формы, прямоугольное в поперечном сечении, в продольном сечении расширяющееся к обуху. Изделие переоформлено - лезвие, один боковой край и частично обух обработаны нерегулярной разноразмерной оббивкой. На приостренном лезвие и боковом крае образовалась кромка неровного контура, которая на выступающих частях рельефа заглажена (заполирована) (рис. 9 – 15).

Абразив (1 экз., 3,5 %) на небольшом уплощенном бруске овальной формы среднезернистого песчаника с одной заглаженной слабо вогнутой поверхностью (рис. 9 – 11).

Отщепы и сколы с обработкой (7 экз., 24 %). Орудия не определимого назначения различной формы, с одним и двумя обработанными чешуйчатой микро и мелкой ретушью краями.

Неопределимые изделия на сколах и отщепах (7 экз., 24 %).

Неопределимое изделие на пластинчатом сколе (1 экз.), расширяющееся в дистальной части. Нерегулярной ретушью обработаны один край полностью, другой край частично. Ретушь мелкая однорядная, нерегулярная, субпараллельная, чешуйчатая, краевая, крутая (рис. 9 – 10).

Неопределимое изделие на полупервичном массивном сколе (1 экз.) с выделенными перехватами. Поперечной среднефасеточной оббивкой на боковых краях в медиальной части образованы выемки – перехваты. В выемках отмечается интенсивная многорядная вентральная ретушь утилизации (?). Дистальное окончание скола-заготовки обломано (?).

Неопределимое изделие на массивном первичном сколе (1 экз.). С вентральной периметральной обработкой разноразмерной оббивкой и локально краевой приостряющей ретушью (рис. 9 – 13).

Неопределимые изделия на массивных сколах и отщепах (4 экз.). Сколы с участками естественной поверхности и нерегулярной эпизодической оббивкой (3 экз.) и массивный отщеп округлой формы (1 экз.), снятый с гальки с выкрошенным острым краем (ретушь утилизации?).

Орудия на гальках (3 экз., 10 %). Гальки округлой формы (2 экз.) и обломок гальки брусковидной формы (1 экз.) со следами забитости на торце.

Заготовка предмета мелкой пластики (1 экз.)

Заготовка скульптурного изображения рыбы (?) овальной вытянутой формы на плитке слоистой осадочной породы. Предмет обработан пикетажем разной интенсивности по всей длине контура, в результате чего ей преданы неправильные овальные очертания. Плоские фасы не обработаны, сохраняют естественную поверхность отдельности сырья (рис. 9 – 14).

В каменной индустрии комплекса использовалось преимущественно сырье кремнистых и осадочных пород, добываемые, по всей видимости, из открытых обнажений выходов породы и/или коллювия их разрушения в виде желваков и обломков. Галечное сырье использовалось эпизодически. Гальки,

на которых отмечаются следы «забитости», возможно, использовались в качестве отбойников для ударного расщепления.

В комплексе не отмечено следов пластинчатого производства, ни среди предметов дебитажа, ни среди орудий и заготовок. Огранка дорсальных поверхностей и форма пластинчатых сколов не указывает на серийное их производство. Также не найдено «стандартизированных» форм нуклеусов для получения заготовок определенной формы. Единственные обнаруженные предметы, предположительно используемые для снятия сколов-заготовок это нуклеидные изделия.

Заготовками для производства орудий выступали отщепы и сколы не стандартизированной формы и отдельности сырья.

Орудийный комплекс, ввиду малочисленности инвентаря, не образует устойчиво повторяющихся серий. Отмечается высокий удельный вес не формальных орудий: отщепов и сколов с обработкой и неопределимых изделий на сколах и отщепах (48%). Наиболее многочисленная группа «формальных» орудий (21 %) – наконечников стрел также не дает устойчивых типов изделий.

Найденный обломок острия крупного бифаса с соотношением его ширины к толщине 7/1 свидетельствует о существовании в индустрии «вторичного» способа утоньшения бифаса, технология производства которого связана со стадийным расщеплением [Гиря, 2007, с. 154-155, 158].

Наличие тесла и двух сколов со шлифованных орудий, возможно, говорит об их производстве, подправке и использовании на памятнике.

Описанный комплекс представляет собой полный технологический цикл обработки камня: крупные исходные отдельности с большим количеством дебитажа с естественными поверхностями, заготовки, целые изделия, обломки орудий. Зафиксированные макроскопические следы износа на орудиях косвенно указывают на их использование на поселении.

Таким образом, из вышеизложенного видно, что керамические сосуды из поселения близки между собой. Их объединяет наличие под венчиком

пояса «жемчужин» и «рубчатые» следы от выбивки лопаткой с желобчатыми нарезками на внешней поверхности. Достаточно часто орнамент дополняется рядами наколов, оттисков штампа, прочерченными вертикальными и наклонными линиями и другими простыми композициями. Каменная индустрия была направлена на получение сколов-заготовок в виде отщепов. Орудия изготавливались из отщепов и сколов различных форм и размеров. Наиболее распространёнными категориями орудий являются отщепы и сколы с обработкой, неопределимые изделия, наконечники стрел. Типологическое сходство вещей поселения, в особенности керамики, позволяет рассматривать материалы поселения на Скородумском Быке в качестве единого культурно-хронологического комплекса.

3. Вопросы датировки и культурной принадлежности материалов поселения на Скородумском Быке

Керамика является самой распространенной на поселении категорией инвентаря. Анализ данного вида находок позволяет определить культурно-хронологическую принадлежность комплекса, а также провести корреляцию с материалами других памятников региона.

В позднем неолите – бронзовом веке на территории юга Средней Сибири появляется керамика, стенки которой покрыты «рубчатыми» оттисками. Керамику с подобным декором также называют «штриховой». Д. Е. Кичигин предлагает различать эти виды. Ссылаясь на эксперименты В. В. Свирина, он предложил называть «штриховой» керамику ту, поверхность которой обработана лопаточкой с прорезанными желобками. Желобки при этом вырезаны примитивным режущим инструментом (резцом) и они отпечатывались на поверхности сосуда неглубокими и непараллельными друг другу штрихами. «Рубчатой» керамикой он считает ту, поверхность которой выбита лопаточкой с продолговатыми, глубокими и параллельными желобками, получившимися в результате пропила более совершенными орудиями: ретушированной пластиной или бронзовым ножом [Кичигин, 2010, с. 188].

Предложенное Д. Е. Кичигиным мнение не подтвердилось, в ходе наших экспериментов. Орудия каменным резцом, также как и ретушированной пластиной, можно получить ровные глубокие прорезы (см. подробнее в гл. 4). Поэтому разделение керамики на «штриховую» и «рубчатую» по этому критерию проводить нельзя. «Рубчатые» и «штриховые» оттиски на стенках сосудов могли оставаться разными способами, в том числе выколоткой рубчатой лопаткой, протаскиванием, заглаживанием различными инструментами с неровным краем типа щепы, гребенки и др. Этот вопрос следует специального рассмотрения.

Для того чтобы разобраться в вопросах датировки и культурной принадлежности анализируемых сосудов рассмотрим схожие керамические традиции сопредельных территорий.

В Канско-Рыбинской котловине сосуды с «рубчатым» декором простые, закрытой формы появляются в раннем бронзовом веке в интервале 4 – 3,5 тыс. л. н. и связаны с проникновением в регион глазковской и ымыяхтахской керамических традиций. Исследователями [Тимощенко, Савельев, 2013] отмечается, что круглодонные сосуды с «рубчатой» выбивкой и одним поясом «жемчужин» идентичны керамике глазковской погребальной культуры, датируемой по С14 в рамках 3900–3000 тыс. л. н. У сосудов с «рубчатыми» оттисками, поясом «жемчужин» и зигзагообразной линией в составе формовочной массы фиксируются следы шерсти, что позволило авторам раскопок сопоставить их с горшками ымыяхтахской культуры Якутии, существовавшей по С14 в рамках $3\ 900 \pm 50 - 3\ 100 \pm 100$ л. н. [Тимощенко, Савельев, 2013, с. 22–24, рис. 2 – 3,4].

Сосуды простой и сложной закрытой формы, орнаментированные лишь «жемчужинами» на гладкой поверхности стенок, продолжают существовать в лесостепном районе Канско-Рыбинской котловины и в период поздней бронзы. В это время полностью исчезает ымыяхтахская керамика, и вместе с ней угасает традиция добавлять шерсть в формовочную массу и выбивать сосуды «рубчатой» лопаткой. Датируется этот период в рамках 3,5–2,8 тыс. л. н. [Тимощенко, Савельев, 2013, с. 22–24, рис. 2 – 6,7, 17].

Скородумская керамика сопоставляется с «рубчатыми» сосудами раннего этапа бронзового века Канской лесостепи наличием «жемчужин» под венчиком. Вместе с этим она отличается от канско-рыбинской присутствием сложных форм сосудов, более «сложным» орнаментом, состоящим из рядов оттисков, дополняющих пояс «жемчужин».

В ымыяхтахской позднеолитической культуре Якутии так же присутствует «рубчатая» керамика. Она была менее распространена по сравнению с «вафельной». Для «рубчатых» сосудов характерна только

усечённо-яйцевидная или усечённо-шаровидная форма с зауженным устьем, образованным наклонёнными внутрь стенками под углом около 45°, и ребром, образованным в месте перегиба.

Ымыяхтахская «рубчатая» керамика украшалась крайне редко, при этом такой элемент орнамента как «жемчужины» не использовались вовсе. Основной узор – это отверстия, которые могут сочетаться с различными вертикальными, горизонтальными и наклонными линиями. В формовочную массу примешивалось большое количество добавок: песок, шерсть, шамот, обломки породы, растительность [Федосеева, 1980, Дьяконов, 2006].

В связи с этим, когда говорят о влиянии ымыяхтахской традиции на формирование керамических комплексов бронзового века Приангарья, необходимо учитывать, что такого элемента орнамента как «сквозные отверстия» здесь не встречается, отмечаются только «ямки» (глухие отверстия) или «жемчужины». Характерные для орнамента ымыяхтахской керамики прочерченные линии, возможно, с определенной долей вероятности, можно соотнести с подобными элементами орнамента на керамике Нижней Ангары – прочерченными перекрещивающимися полосами. Однако последние чаще расположены более хаотично и не обязательно спускаются от ямок или жемчужин (например стоянки Сергушкин-1 и 3, стоянка Парта).

Определенное сходство между сосудами также отмечается по приостренному в сечении венчику с ребром на внутренней стороне. На памятниках Нижней Ангары такие сосуды фиксируются вместе с горшками, у которых венчики были подпрямоугольными в сечении (например стоянки Сергушкин-1 и 3, Итомиура, им. Генералова, многослойное местонахождение Усть-Едарма II и др.).

В Якутии такой элемент орнамента как «жемчужины» появляется только в улахан-сегеленяхская культуре ранней бронзы, и связывается с проникновением традиций из Прибайкалья, Забайкалья. Время

существования этой культуры определяется в пределах $1900 \pm 400 - 1350 \pm 350$ лет до н.э. [Дьяконов, 2012, с. 113-114].

Бронзовый век Прибайкалья начинается несколько раньше и обозначается глазковским этапом. На данный момент эта территория относительно хорошо изучена, вскрыты крупные могильники и опорные многослойные поселения. На основе полученных серий радиоуглеродных дат, данных стратиграфии и геологии построена культурно-хронологическая периодизация региона. Глазковские комплексы, в которых отмечается «рубчатая» керамика, датируют в пределах 5200 – 4000 л.н. [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009]. «Рубчатую» керамику Нижней Ангары часто сопоставляют и датируют по аналогии с глазковской керамикой Прибайкалья. Рассмотрим данную керамику.

Сосуды в погребениях глазковского времени встречаются достаточно редко [Окладников, 1955, с. 276]. В могильнике Хужир-Нугэ XIV в погребении № 28 найден «штриховый» сосуд простой закрытой формы с насечками по венчику, тулово украшено ромбовидно пересекающимися линиями, выполненными отступающей лопаточкой (рис. 10 – 2). Дата погребения 3910 ± 140 л.н. (ТО-09384). Могильник датируется по калиброванным датам 2700 – 2000 лет до н.э. [Новиков, Вебер, Горюнова, 2010, с. 47, 52, 230, рис. 34 -4].

В погребениях могильника Хадарта IV обнаружены «штриховые» круглодонные сосуды закрытой формы с горизонтальными рядами «жемчужин» или ногтевых вдавлений, на одном сосуде отмечаются антропоморфные изображения. В других погребениях этого могильника единично встречаются фрагменты гладкостенных сосудов. Датируется могильник 2700 – 2000 лет до н.э. [Горюнова, Новиков, Лбова, 2010, с. 182-183; Новиков, 2013, с. 323]

В глазковских могильниках на Ангаре и Верхней Лене, изученных А. П. Окладниковым также встречается «рубчатая» керамика (рис. 10 – 2). В могильнике Усть-Илга в погребении № 1 на Верхней Лене обнаружен такой

сосуд-дымокур. Он простой закрытой формы с ушками, прикрепленными к венчику в виде широкой лопасти. Украшен горшок оттисками, строящимися в крупную ромбическую сетку [Окладников, 1955, с. 127-129].

«Рубчатый» сосуд из Макаровского могильника на Лене орнаментирован зигзагообразными рядами отступающей лопаточкой, прочерченными линиями и «жемчужинами». Венчик утолщен и нависает карнизом, покрыт насечками [там же, с. 127-129].

Остальные известные сосуды из глазковских могильников не были покрыты «рубчатым» декором. Например, сосуд из могильника Старый Качуг простой закрытой формы и с косыми насечками по бортику венчика [там же, стр. 127, 276, рис. 49]. Сосуд из Хабсагая полностью покрыт рядами полулунных вдавлений [там же, с. 276-277, рис. 133].

А. П. Окладниковым отмечается, что признаком керамики глазковского времени являются узкие, глубоко вдавленные желобки со ступенчатым дном (отступающие наколы) [там же, с. 278]. Также присутствуют ногтевые вдавления, наколы. Наличие «жемчужин» или «рубчатой» поверхности не является обязательным для посуды из глазковских погребений, поэтому они не могут выступать в качестве маркирующего признака культуры.

Глазковскую керамику из поселений Л. П. Хлобыстин охарактеризовал следующим образом: сосуды изготавливались выбиванием «рубчатой» или гладкой колотушкой. Они чаще круглодонные, встречаются и остродонные. Иногда выпуклые стенки в верхней части слегка загибались внутрь, встречаются более или менее выраженная горловина и несколько отогнутый наружу венчик. Сосуды, как правило, имеют удлиненные пропорции. Венчик украшался защипами, оттисками отступающей лопаточки, насечками. Иногда встречаются венчики с тупоугольными выступами. Верхняя треть сосудов украшалась рядами «жемчужин» и линиями отступающей лопаточки, рядами отдельных наколов, а так же резными линиями, расположенными горизонтально, наклонно и зигзагом. Встречаются косые кресты,

антропоморфные фигурки, изображения змей (рис. 10 – 3) [Хлобыстин, 1987, с. 331-332].

Самый нижний слой поселения Улан-Хады, в котором впервые появляется керамика с «жемчужником», относится к раннему этапу бронзового века и датируется первой половиной II тыс. до н.э. [Горюнова, Хлобыстин, 1991, с. 47-48]. Датировка впоследствии была скорректирована в пределах 4000 (4200) – 3600 л.н. [Горюнова, 2012, с. 19].

Район нижнего течения р. Ангары, по сравнению с Прибайкальем остается археологически слабоизученной территорией. Если в Южном Приангарье вскрыто свыше 300 погребений бронзового века [Дударек, Лохов, 2014, с. 57], то для Северного Приангарья известно всего лишь около 40 захоронений с такой же датировкой. В них сосуды встречаются крайне редко, отмечены лишь два случая.

Один сосуд зафиксирован в могильнике Сергушкин-3 в погребении № 5. Там был найден «рубчатый» сосуд с «ушками» закрытой формы, орнаментированный рядом сдвоенных округлых ямок и двумя горизонтальными прочерченными линиями (рис. 10 – 2) [Привалихин, 2009, с. 302, 304].

Второй сосуд зафиксирован в погребении № 1 могильника Сосновый Мыс- 2. В нем были найдены фрагменты гладкостенного сосуда, украшенного по венчику округлыми отпечатками, а по стенкам рядом ямок [Привалихин, 1998, с. 74, табл. 5-6] (рис. 10 – 4).

Внешний облик данных сосудов не соответствует глазковской керамике Прибайкалья. Это можно объяснить тем, что погребальные комплексы Нижней Ангары не тождественны глазковским комплексам Прибайкалья, хотя и имеют много общих черт в ритуале захоронения и сопроводительном инвентаре [Окладников, 1939, с. 184; Дударек, Лохов, 2014, с. 75].

Рассматривая поселенческие комплексы глазковской культуры Прибайкалья и известные поселения бронзового века Нижней Ангары

необходимо отметить, что на Нижней Ангаре нет опорных стратифицированных поселений, на которых можно было бы выделить слои бронзового века, продатированные серией радиоуглеродных дат. Поэтому сравнение керамики из поселений можно провести только методом аналогии.

Керамика со Скородумского Быка сопоставляется с посудой из других поселений Нижней Ангары. Сосуды с «рубчатymi» поверхностью и рядами «жемчужинами» зафиксированы на многих поселенческих комплексах, в слоях, содержащих разновременный материал. Среди них: стоянка Парта (рис. 10 – 5) [Савин, 2010, с. 583–584, рис. 6–10], стоянка Окуневка (рис. 10 – 12) [Адамов, Данилов, Турова, 2011, с. 351, рис. 1], стоянки Сергушкин-1 и -3 (рис. 10 – 9) [Герман, Леонтьев, 2013, с. 62, рис. 3], стоянка Гора Кутарей (рис. 10 – 6) [Результаты ..., 2011, с. 378–379], стоянка им. Генералова (рис. 10 – 8) [Результаты охранно-спасательных..., 2013, с. 184, рис. 5 – 2, 3], стоянка Усть-Тушама-1 (рис. 10 – 16) [Исследования стоянки ..., 2012, с. 474–475, рис. 1- 2,4], стоянка Усть-Карабула (рис. 10 – 14) [Макаров, 2013, с. 160, рис. 19] и другие. Такая керамика датируется исследователями в диапазоне от раннего до позднего бронзового века без предоставления развернутой аргументации.

Абсолютной датировкой подкреплён фрагмент венчика «рубчатого» сосуда с приостренным краем и поясом «жемчужин», найденный в кострище возле погребения на многослойном местонахождении Усть-Ёдарма II (рис. 10 – 7) [Дударек, Лохов, 2014, с. 62, 74, 75, рис. 3, 2]. Погребение датируется по C14 3590 ± 55 (СОАН-8457) [Дударек, Лохов, 2012, с. 90].

На данном местонахождении в слоях неолита – раннего бронзового века выделено большое количество вариантов форм наконечников стрел, сопоставимых с формами скородумских наконечников. На этих памятниках преобладают наконечники листовидной формы пера, в то время как для Прибайкалья более характерны треугольные [Федоров, Дударек, 2015, с. 88]. Также на Усть-Ёдарме II зафиксировано каменное тесло, подобное

найденному на памятнике, расширяющееся к обушку в продольном сечении [Липнина, Лохов, 2012, с. 451, рис. 4].

«Рубчатая» керамика с «жемчужинами» отмечена и на стоянках, содержащих однокультурные материалы (рис. 10 – 13). Их на Нижней Ангаре, помимо Скородумного Быка, известно еще три. На стоянке Итомиура изучена керамика с площадок культурно-хронологических комплексов бронзового века. Для двух сосудов по углю из заполнения получены даты С14. Один сосуд «рубчатый» с приостренным венчиком, украшен рядом «жемчужин» и изображениями «змей», он датируется 3275 ± 45 л. н. (СОАН-8952) (календарный возраст по второй сигме в пределах середины XVII – середины XV вв. до н.э.). Второй сосуд с гладкими стенками и рядом «жемчужин» под венчиком, имеет дату 3085 ± 60 л. н. (СОАН-8949) (калиброванный возраст по второй сигме в пределах середины XV – конца XIII в. до н.э.) [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 77, рис. 9-2, 10-7]. Керамика данного комплекса отличается от скородумской приостренным венчиком с ребром и наличием полос отступающих зигзагообразных оттисков. Схожи сосуды рядами наклонных оттисков и «сетчатым» узором под венчиком.

На стоянке Капонир зафиксировано совместное залегание однотипной керамики с каменными орудиями и отходами производства. Сосуды гладкостенные, скудно орнаментированные «жемчужинами», ямками, гребенчатым штампом (рис. 10 – 10) [Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010, с. 561-562, рис. 1 – 3, 4]. Здесь, также как и на поселении на Скородумском Быке не зафиксировано пластинчатого расщепления. Дебитаж представлен отщепами и пластинчатыми сколами. Отмечается сходный тип заготовок (крупные отщепы и пластинчатые сколы) и высокая доля неформальных орудий (более 20 ед. из 49). Встречаются скребки различной модификации, в том числе и концевые [там же, с. 562, рис. 2 – 1, 2, 8].

Керамика со Скородумного Быка наиболее схожа по форме и по орнаменту с емкостями, найденной на стоянке Абакан-18: «рубчатые»

сосуды, иногда слабопрофилированные, с прямым венчиком, украшенным насечками или наколами. Под краем орнаментированные поясом «жемчужин» и рядами наколов (рис. 10 – 15) [Сенотрусова, 2015, с. 52-54, рис. 1 – 7-10]. Среди орудий отмечены схожие наконечники стрел: треугольные и листовидные с черешковым насадом [там же, с. 52-54, рис. 1 – 3-4]. Также здесь встречены скребки: концевой и боковой [Сенотрусова, 2015, с. 53-54, рис. 1].

В жилищных комплексах «рубчатая» керамика с рядами «жемчужинами» обнаружена в заполнении котлованов жилищ поселений Ручей Конный-3 и Усть-Верея-2. Найденные там сосуды, помимо «жемчужин», орнаментированы простыми геометрическими фигурами стрельчатой формы или косыми крестами. Внешняя поверхность имеет следы затирания проташенной крупнозубчатой гребенкой или щепой (рис. 10 – 11). На поселении Ручей Конный-3 в жилище обнаружены следы бронзолитейного производства. Авторы раскопок датируют этот керамический комплекс временным промежутком «поздний бронзовый век – переходный к раннему железному веку период» [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 467–468, рис. 2 – Д-Е; Савин, Солодская, Груздева, 2012, с. 485].

В жилище № 2 бронзового века стоянки Чирида, где была обнаружена керамика другого типа, найден концевой скребок высокой формы аналогичный скородумскому [Гревцов, Галухин, Журавков, 2011, с. 388-389, рис. 1 – 9].

Сопоставление каменных артефактов скородумского комплекса с однокультурными комплексами стоянок Капонир и Абакан-18 показало, что для них характерно изготовление орудий на отщепах и сколах, высокая доля неформальных орудий и отсутствие в индустрии пластинчатого расщепления, характерного для неолита региона. Причина существования такого типа индустрии бронзового века пока не ясна и может быть обусловлена как стадиальными изменениями в традициях камнеобработки,

так и функциональными особенностями памятников, связанными с отдельной непластинчатой линией развития.

Вопрос датировки исследуемой керамики является дискуссионным и нерешенным. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья датированы в рамках 4500–2800 л. н. Нижняя граница произведена по аналогии с могильниками Прибайкалья, верхняя маркирует появление цэпаньской культуры раннего железного века [Дударек, Лохов, 2014, с. 54-55].

Вероятно в это же время (\approx 4500 л.н.) на Нижней Ангаре появляются поселенческие комплексы бронзового века с «рубчатой» керамикой с «жемчужинами», о чем свидетельствует распространение такой керамики на сопредельных территориях в период 4500 – 3500 л.н. [Горюнова, Хлобыстин, 1991, с. 47-48; Горюнова, 2012, с. 19; Тимощенко, Савельев, 2013, с. 22–24; Уланов, Бердников, 2015, с. 69].

Опускать нижнюю границу существования на Нижней Ангаре исследуемой керамики до VIII в. до н.э., а также датировать поздним бронзовым или переходным к раннему железному веку, на наш взгляд, нет оснований и фактов. К тому же в регионе фиксируются пласт керамики с налепными лентами, украшенный гребенчатым штампом, пальцевыми защипами, налепными жгутиковыми валиками, время бытования которого на стоянке Итомиура определено в интервале финальной бронзы – начала железного века (IX-V вв. до н.э.).

Приведенные данные позволяют комплекс с рубчатой керамикой из поселения Скородумный Бык датировать бронзовым веком, т.е. середина III – II тыс. до н.э. В этот интервал укладывается и датировки, полученные методом радиоуглеродного анализа.

В целом проведенные аналогии каменных орудий не противоречат датировки поселения Скородумный Бык в рамках бронзового века.

Вопрос культурной принадлежности комплексов с рассматриваемой керамикой также не однозначен. Прежде всего, нужно разграничить такие

понятия как «глазковская культура» и «глазковское время или этап». Глазковская культура больше применяется для обозначения особой погребальной традиции Прибайкалья, Забайкалья и Верхней Лены, с характерным погребальным обрядом и набором инвентаря. Термин «глазковское время», введенный А. П. Окладниковым, более шире, и включает в себя не только погребальную традицию, но еще и комплекс схожей материальной культуры поселенческих объектов региона. Термин глазковское время вполне применим для обозначения периода ранней бронзы не только Прибайкалья, но и сопредельных территорий, если подразумевает синхронность существования и схожие категории предметов.

Проведенные сопоставления керамики показали, что:

- сосуды из погребений Прибайкалья отличаются от сосудов из поселений;
- сосуды из погребений нижнего течения р. Ангары сильно разнятся с сосудами из стояночных комплексов;
- сосуды из поселенческих комплексов Прибайкалья с сосудами из поселенческих и стояночных комплексов Нижней Ангары имеют как сходства, так и отличия.

Сходство заключается в том, что сосуды встречаются простой закрытой и открытой формы иногда со слабой профилировкой, стенки бывают как гладкие так и «рубчатые». Венчики украшались различными оттисками, насечками. Орнаментировалась чаще всего верхняя треть сосудов поясом «жемчужин», рядами отступающей лопаточки и отдельных наколов, а так же резными линиями, расположенными горизонтально, наклонно, зигзагом. Встречаются стилизованные изображения «змей».

В отличие от Прибайкальских, на Нижней Ангаре не отмечено остродонных сосудов, венчиков с тупоугольными выступами. Венчики редко украшались защипами. Вместо пояса «жемчужин» может присутствовать ряд ямок иногда сдвоенных или чередующихся с «жемчужинами». Отступающая лопатка не является основным мотивом

орнамента, чаще фиксируются ряды наклонных отдельных оттисков. Присутствуют также гребенчатые наколы и наклонные пересекающиеся линии, строящиеся в «сетчатый» узор.

Из этого следует, что комплексы бронзового века Нижней Ангары с «рубчатой» керамикой с «жемчужинами», датированные серединой III – II тыс. до н.э., не являются с глазковской керамикой единой культурной традицией. В связи с чем, связывать поселенческие комплексы нижнего течения р. Ангары, содержащие «рубчатую» керамику с глазковской культурой Прибайкалья не корректно. Проведенные сопоставления свидетельствуют о широком распространении «рубчатой» керамики в Средней Сибири и формирование комплексов рубчатой керамики Нижней Ангары возможно испытывало влияние о стороны пришлых компонентов из Якутии, Канско-Рыбинской котловины и Прибайкалья.

4. О некоторых видах хозяйственной деятельности на поселении на Скородумском Быке

Началом бронзового века принято считать местное изготовление сплавов меди с оловом (либо свинцом) или налаживание постоянного импорта бронзовых изделий [Хлобыстин, 1987, с. 328]. Если следовать данному определению, то памятники бронзового века нижнего течения р. Ангары не совсем соответствуют этим критериям: на поселениях и в погребальных комплексах изделия из меди встречаются очень редко, а следы металлургии и металлообработки практически отсутствуют. Появление здесь металлических изделий не повлияло кардинально на хозяйственный уклад жизни древнего населения, сохраняющий неолитический облик.

По всей видимости, обитание поселения было сезонным и не продолжительным, о чем свидетельствует незначительная мощность культурного слоя, малая насыщенность находками, отсутствие кострищ и хозяйственных ям и иных объектов. Хозяйство, вероятнее всего было присваивающим.

Памятник находится в таежной зоне низкогорья Енисейского кряжа, территория его покрыта смешанным лесом, с преобладанием хвойных деревьев. В лесах обитает большое количество промысловых животных (лось, северный олень, косуля сибирская, медведь, лисица, заяц, олень, белка, соболь, волк) и птиц (глухарь, тетерев, рябчик и др.), произрастают разнообразные дикие ягоды, грибы, орехи. Река богата рыбой: осетром, щукой, налимом, тайменем и др.

Анализ археологических данных позволяет восстановить некоторые виды хозяйственной деятельности, осуществляемые древним населением стоянки. Источниками при этом выступают фаунистические остатки, набор инвентаря, этнографические материалы. К сожалению, в изучаемом комплексе не обнаружено остатков костей животных и рыб, что не позволяет установить предпочтения в добыче и сезон заселения стоянки. Не

обнаружены бронзовые/медные артефакты и следы бронзолитейного производства, остатки древних жилищ и хозяйственных построек. Возможно, котлованы углубленных объектов, расположенные возле края террасы связаны с данным комплексом, что покажут только результаты дальнейших работ.

Несмотря на отсутствие фаунистических остатков, о некоторых чертах хозяйственного уклада можно судить исходя из состава орудий. Предметы охотничьего вооружения представлены каменными наконечниками стрел различной модификации. Все они небольших размеров от 2,2 до 4,0 см в длину (при ширине от 1,2 до 1,9 см). Самые маленькие и тонкие могли использоваться для охоты на мелких животных и птиц (рис. 9 – 9, 12). К охотничьему инвентарю возможно относится обломок острия крупного бифаса (рис. 9 – 1), который мог служить наконечником копья или дротика. Также он мог использоваться в качестве кинжала – охотничьего ножа, универсального инструмента для разделки добычи, резания мяса, кожи, потрошения туш добытых животных и снятия с них шкур [Окладников, 1955, с. 76-77].

Помимо добычи шкур животных очень важной является деятельность по ее обработке. Мех и кожа выдвигались для пошива одежды, обуви, обустройства жилища и пр. Здесь главным инструментом являются скребки, использующиеся для удаления жил и пленки мездры, сгонки волос. Их применение могло не ограничиваться только обработкой шкур и быть значительно шире, включая изготовление орудий труда и прочие работы [Окладников, 1950, с. 198].

Столь же необходимым инструментами в древнем хозяйстве являются ножи, используемые для разрезания различных материалов: мяса, кожи, дерева, кости и др. Ножи, обнаруженные на памятнике, не являлись вкладышевыми орудиями.

Для обработки дерева большую роль играли рубящие орудия: топоры и тесла, с неолита преимущественно шлифованные. Крепиться в рукояти они

могли двумя способами, зафиксированными этнографически: лезвием поперек и лезвием вдоль (как современные топоры). Топоры и тесла могли применяться для выделки долбленых лодок, сооружения изгородей и ловушек на животных [Окладников 1950, с. 233; 1955, с. 105], как пешни для пробивания льда.

Обнаруженное на поселении тесло было переоформлено, при этом, скорее всего, изменив свое основное назначение, для выполнения других операций. На лезвии и боковых сторонах фиксируются залощенность. На других шлифованных рубящих орудиях также отмечаются оббивка и залощенность лезвия [Окладников, 1950, 1955, Соколов, 1996, с. 57, рис. 3 -1; Археологические работы..., 2010, с. 580, рис. 2 – Е].

Большую роль в хозяйстве играли и абразивные инструменты. Они выполнялись, как правило, на плитках, обломках песчаника различной степени зернистости и использовались для изготовления и подработки орудий из кости, дерева, рога, камня, шлифовки каменных топоров, тесел, ножей.

Среди абразивов, встречаются экземпляры с проточенным желобком. Их назначение трактуют по-разному: выпрямители древков стрел, абразивы для заточки ножей или костяных шильев. Экспериментально подтверждены такие способы использования абразивов, как заглаживание ударной площадки нуклеуса для удаления тонких и ломких краев и козырьков (т.н. «снятие бахромы») [Уиттакер, Алаев, Алаева, 2004, с. 119]; пришлифовка отжимных площадок при изготовлении наконечников стрел, заточка медных и костяных острий [Харевич, Князева, Стасюк, 2013, с. 78, 81-83]. Абразив, найденный на поселении, имеет плоскую вогнутую пришлифованную плоскость и возможно использовался всей этой плоскостью для обработки поверхности другого предмета.

Рыболовство фиксируется на древних поселениях с периода мезолита, которое становится самостоятельной отраслью присваивающего хозяйства, имеющей специальные орудия лова [Новиков, Горюнова, 2005].

Из предметов, свидетельствующих о занятии древних жителей стоянки рыболовством, найдена только заготовка каменного изображения рыбки. Изделию придавалась форма путем пикетажной оббивки (рис. 11 – 1). Считать данный предмет заготовкой каменного изображения рыбки позволила его форма и найденные в раскопе № 1 в восточной части памятника обломки изделия из такого же сырья с просверленными в традиционных для изображений каменных рыб местах. Заготовка достаточно крупная, а следовательно и задуманная фигурка должна была быть в длину около 30 см.

Еще одно, законченное, каменное изображение рыбы (рис. 11 – 2) было найдено в набросе, рядом с нарушенным участком культурного слоя бронзового века и, возможно, относится к изучаемому комплексу. Поверхность изделия полностью зашлифована, прорезанными линиями обозначены рот и жаберные крышки, ямкой – глаза. В изделии просверлены биконические отверстия: на спине, в хвосте и на брюхе – в районе размещения хвостового и жаберного плавников. В отмеченных изображениях узнаются рыбы из рода *Salmo*: сиговые и хариусовые, которые водятся в р. Ангаре.

Каменные изображения рыб находят на территории Восточной Сибири более двухсот лет. Они распространены преимущественно в Прибайкалье, на территориях верхнего течения р. Лены, по всей р. Ангаре, среднем течении р. Енисей. Некоторые изображения происходят из Южной Сибири, долины р. Селенги, Барабинской степи и Эвенкии [Окладников, 1950, с. 242-244; Андреев, 1970, с. 168-172]. Но до сих пор нет однозначного ответа по вопросу назначения таких предметов.

Существуют разные точки зрения о назначении каменных изображений рыб. А. П. Окладников приводит этнографические примеры, в которых такие предметы небольших размеров использовались в качестве приманок. При одном способе такие «рыбки» применялись морскими рыбаками как современный воблер с грузом: к жаберным отверстиям крепились крючки, а

к хвостовому – леска. Другой способ использовали якуты, эвенки, алголкины. Они изготавливали «рыбки» из кости или дерева, леску присоединяли к отверстию в спине, а к отверстиям в брюшке привязывались красные тряпочки, полоски рыбьей кожи или поводки с крючками. В таком случае к муляжу приманивалась живая рыба, которую кололи острогами или ловили черпаками (рис. 12 – 1-3) [Окладников, 1950, с. 250-257].

Вместе с этим А. П. Окладников [там же, с. 332] не исключает, что рыбки-приманки «...в процессе употребления окружались колдовским ритуалом и религиозными представлениями». Двухголовых «янусовидных» рыб он относит к области культа, указывая на их большие размеры – до 30 – 35 см в длину. Исследователем приводятся этнографические примеры, где изображения двух тайменей, спаянных хвостами, использовали в своих обрядах якутские шаманы, а двухголовая и двуххвостая рыба считалась у камчадалов духом озера [там же, с. 332 – 336]. В подтверждение о культовом назначении некоторых изображений рыб можно отнести случаи, когда на плоскости двух каменных «янусовидных» изображений были вырезаны контуры рыбы и зооморфной фигуры (рис. 12 – 3) [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 206, рис. 4]. Г. С. Вртанесян считает изображения рыб, выполненные в мелкой пластике, календарными символами, а двухголовых связывает с образом Януса – «божества входа и выхода», которое очерчивает период времени, когда определенный вид рыб активен в годовом цикле [Вртанесян, 2013, с. 113].

В Минусинском краеведческом Музее им. Н. М. Мартьянова в экспозиции представлен костюм шамана с подвеской в виде скульптурки рыбки, которая подвешена за отверстие на спине, а в к двум отверстиям на брюхе возле головы и хвоста прикреплены красные тряпочки.

Однако есть основания предположить, что древним населением использовались в качестве приманок не только небольшие рыбки размерами 10 – 20 см, но и большие, массивные, длиной и до 40 см. Хищные рыбы, водящиеся в р. Ангаре, такие как щука, налим и таймень, достигают в

размерах до 170 см (обычно до 100 см). Средняя относительная длина жертв щуки меняется в пределах 27,4 – 38,2 % см от размеров хищницы, а в отдельных случаях относительный размер может достигать до 58,7–62,3 % от ее собственной длины [Купчинская, Купчинский, Купчинский, 1995, с. 79]. Теоретически и практически щука длиной 1 м может нападать на рыбу, размером до 40 см.

В связи с этим, можно предположить, что каменные изображения рыбы длиной 30 см и более также могли использоваться в качестве приманок для ловли крупной хищной рыбы и не только щуки. Значительный размер, а соответственно, и большой вес приманок, возможно, был необходим для сохранения устойчивого положения их на глубине, в условиях разного характера течения реки. Предположительно для придания приманке привлекательного для хищника «блестящего» вида на каменные изображения могли надевать, к примеру, натуральную рыбью кожу [Пупаева, 2014, с. 82].

В подтверждение утилитарного назначения рассматриваемых изделий можно привести тот факт, что изображения рыб, в том числе и «янусовидные», были обнаружены в погребениях вместе с рыболовным инвентарем – гарпунами и составными и цельнорезными крючками из кости [Базалийский, 2012, с. 90–93]. Еще одним косвенным доказательством этого служит обнаружение их вкладах с рабочим инструментом: рубящими орудиями, абразивами и гарпунами [Привалихин, 2011, с. 151; Адамов, Данилов, Турова, 2011, с. 350 – 351]. Таким образом, каменные изображения рыб с поселения могли использоваться в качестве приманок.

Несмотря на то, какое назначение имели каменные рыбки – утилитарное или культовое, ясно, что добыча рыбы в хозяйстве древних обитателей стоянки занимала определенное место.

Исследователями неолита и бронзового века Прибайкалья не раз отмечалась ведущая или значительная роль рыболовства [Окладников, 1955, с. 77; Новиков, Горюнова, 2005]. В нижнем же течении р. Ангары, по крайней мере, по материалам погребальных комплексов, наблюдается

преобладание охотничьего инвентаря над рыболовецким [Дударек, Лохов, 2014, с. 75].

Свидетельств собирательства на стоянке обнаружено не было, но оно, несомненно, присутствовало, привнося разнообразие в белковый рацион древнего населения.

Еще одной неотъемлемой частью хозяйственной деятельности является гончарство. Изготовление сосудов представляет собой сложный технологический процесс, включающий в себя операции по отбору и подготовке исходного сырья, формовки сосуда, его орнаментации, сушки и обжига. Ведущие российские ученые А. А. Бобринский, И. Г. Глушков, Ю. Б. Цетлин, внесли большой вклад в изучение различных аспектов технологии производства керамики. А. А. Бобринский стал основоположником системы технико-технологического анализа керамики (в рамках культурно-исторического подхода), позволяющей восстановить цикл ее производства и проводить культурно-хронологические построения [Бобринский, 1978]. Для применения данного метода необходимо обладать определенными навыками, в связи с чем рассмотрим только некоторые аспекты изготовления керамики с поселения Скородумский Бык.

Первые эксперименты по изучению «рубчатой» керамики Прибайкалья были произведены Б. Э. Петри в начале XX века. Исследователь предполагал, что такая керамика изготавливалась в ямке, обложенной стеблями мягкой травы, которая обмазывалась глиной, а после вынималась и обжигалась – от стеблей на керамике оставались штрихи [Свинин, 2000, с. 132].

Примерно в это же время В. И. Подгорбунским были собраны этнографические свидетельства об изготовлении керамики при помощи лопаточки-колотушки и наковаленки якутами, а М. В. Воеводский сделал предположение о выколачивании древней керамики при помощи «рубчатой» лопатки, на подобие такой, какую он видел из кости из сборов с Камчатки [там же, с. 133, 135].

После исследования прибайкальской керамики неолита и бронзового века занимается А. П. Окладников и своей монографии он так же отмечает использование при изготовлении керамики выбивание лопаткой [Окладников, 1950, с. 208; 1955, с. 129]. В 1963-1966 гг. В. В. Свинин проводит эксперименты по изучению технологии изготовления древних сосудов Прибайкалья. Подобных экспериментов для керамики бронзового века нижнего течения р. Ангары не проводилось.

Формовочная масса всех сосудов поселения Скородумный Бык содержит добавки дресвы (дробленого камня) достаточно крупных размеров до 0,3 см. Сосуды формировались в ручную и, вероятнее всего, использованием техники лоскутного налёпа, о чем свидетельствует характер отслаивания черепков в как в продольном, так и поперечном направлении (рис. 13 – 1). После формовки подсушенный сосуд с внешней стороны выбивался при помощи лопатки, которая оставляла на поверхности уплощенные участки. С внутренней стороны под точку удара подкладывался предмет округлой формы, вероятнее всего галька, от которого фиксируются следы в виде неглубоких округлых вдавлений (рис. 13 – 2). Нанесение орнамента проводилось после выбивания. Выбиванию подвергались стенки сосудов, дно и иногда венчик.

Для определения инструмента, которым наносились «рубчатые» оттиски, способ его изготовления и применения был проведен справочный эксперимент. Данные исследования несут предварительный характер, не охватывают все возможные варианты и в дальнейшем требуют более подробной разработки.

Работы проводились по программе научного эксперимента Ю. Б. Цетлина [Цетлин, 2013, с. 34-35]. Наиболее вероятная проверяемая гипотеза – использование деревянной «рубчатой» колотушки, которое основывается на экспериментальных и этнографических данных.

Следы в виде «желобков» или «рубчиков» на керамике могли получиться в результате двух приемов: выбивание (соприкосновение

«лопатки» со стенкой сосуда быстрым отрывистым движением по одной траектории) и протаскивание (приложение орнамента к стенке и его движение без отрыва). В двух этих случаях оставляемые следы будут сильно отличаться. Для данной керамики характерен именно прием выбивания, т.к. следы ровные, пересекающие друг друга в хаотичном порядке, без характерных для протаскивания по глине «задир». При использовании протаскивания отмечены следы применения следующих инструментов: гребенки, щепы, пучка травы и др. Эталонные образцы различных материалов представлены в монографии И. Г. Глушкова [Глушков, 1996, с. 273-274, рис. 123-124].

Прием выбивания может быть применен в двух вариантах:

- использование только «лопатки» или «колотушки» без обмотки дополнительными материалами;
- использование «лопатки» или «колотушки» с обмоткой.

Для получения «рубчатых» оттисков на лопатке необходимо вырезать желобки: по волокну древа либо против. Сделать это возможно каменными орудиями: резцом, ретушированным или не ретушированным ножом, острым отщепом. Предположительно и комбинирование инструментов – прорезать удобно ножом, а выбирать древесину резцом. Также были проанализированы оттиски не обструганной, расщепленной по волокну дощечки, без прорезания желобков.

Обмоткой могли служить различные материалы органического происхождения: растительные (нити, стебли, листья, корни) и животные (жилы, кожа, внутренние органы). Для эксперимента были отобраны как наиболее вероятные: жилы, кожаный шнур, стебли и листья травы. Растительные нити, так же как и жилы, изготавливаются путем скручивания, поэтому желобки на глине, при выбивании будут иметь не ровную поверхность и при исследовании не учитывались [Глушков, 1996, с. 271, рис. 121].

Преимущество использования первого инструмента заключается в его долгой службе, но для его изготовления необходимо произвести ряд операций: изготовить лопатку необходимого размера, тщательно выстругать и зашлифовать рабочую поверхность, ровно прорезать желобки, что требует определенных навыков. Подбор основы для обмотки проще – нет необходимости ее тщательной обработки, можно использовать относительно ровную дощечку или ветку. При обкручивании основы можно легко контролировать расстояние между витками. Однако возникают неудобства с закреплением обмотки, так, чтобы место крепления не отпечатывалось на поверхности сосуда.

Для фиксации следов использовались уплощенные куски глины, по которым наносились удары различными лопатками, как минимум в двух вариациях: экземпляр с одним четким оттиском и выбитый экземпляр, с множеством налагающихся друг на друга оттисков.

Из коллекции керамики для сравнения с эталонами были отобраны два сосуда (№ 2, 4) и фрагмент «ушка» не соотнесенного с сосудами, на которых «рубчатые» оттиски наиболее отчетливо видны. Ширина желобков на сосуде № 4 примерно 1,5-2 мм, расстояние между ними примерно такое же. Данные измерения затруднены вследствие деформирования оттисков случайным заглаживанием, примятием, длительным выбиванием, забутованием инструмента и не означают, что на инструменте прорези и расстояние между ними имели соответствующий размер. Размер наибольшего фиксируемого оттиска при нанесении одного удара 2,5х2 см и насчитывает 5 желобков. На сосуде с «ушками» (№ 2) ширина желобков шире и составляет 2-2,5 мм при расстоянии 1,5-2 мм. Размер уплощенного участка от одного удара 1,5х2,0 см, в котором читаются 5 желобков. Ложе желобков всех сосудов ближе к прямоугольной форме, но переход от стенки ко дну не резкий (рис. 14).

По завершению эксперимента были получены следующие результаты. Выявлено, что использование стеблей и листьев растений маловероятно, т.к.

материал слишком непрочный, неэластичный и неудобный в закреплении. Непригодность для обмотки стеблей травы отмечалось и В. В. Свининым [Свинин, 2000, с. 143].

Не удовлетворительный результат показало выбивание расщепленной вдоль волокон дощечкой, оттиски получаются разного размера, желобки не выстраиваются в параллельные ряды. Не подтверждена версия применения не крученых жильных нитей, т.к. они имеют волокнистую структуру, которая оставляет на поверхности глины множество мелких линий, включая следы от разорвавшихся волокон (рис. 15).

При работе резцом против волокна дерева остаются не параллельные желобки, с мелкими поперечными полосками на дне бороздками (рис. 16). Наиболее приближенные оттиски были получены при использовании резца по волокну, не ретушированной пластины, каменного ножа и лопатки, обмотанной кожаным шнуром.

В. В. Свинин отмечал, что при применении резца линии не параллельные [Свинин, 2000, с. 141]. Однако данный тезис не подтвердился, т.к. при определенных навыках линии достаточно ровные и при выбивании сложно отличимые от других инструментов. Оттиски линий, вырезанных резцом и каменным ножом достаточно схожи. Несколько отличается от них следы лопаточки, прорезанной неретушированной пластиной, ложе желобка не такое широкое и ровное, а стенки с легким наклоном вовнутрь (рис. 16, 17). Для данных инструментов характерны отпечатки мелких продольных бороздок волокна дерева по ложу и стенкам желобка. Среди коллекции керамики был найден фрагмент стенки сосуда на внутренней поверхности которого остался более четкий случайный оттиск, возможно от лопатки, при этом в ложе желобков читаются микро бороздки, характерные для дерева (рис. 18 – 4).

Отпечатки лопатки обмотанной кожаным шнуром имеют гладкое ложе и прямые стенки (рис. 17). Однако данный инструмент для выбивания анализируемой керамики не использовался. На «ушках» сосудов

фиксированы следы прямоугольной формы с мелкими параллельными линиями на стенке оттиска, которые образовались от соприкосновения торца инструмента при орнаментировании поверхности возле «ушка» (рис. 18 – 1-3).

В связи с вышеизложенным, наиболее вероятным инструментом для выбивания керамики с поселения Скородумный Бык служила лопатка с прорезанными желобками. Определить, каким орудием они вырезались, на данном этапе исследования нет возможности из-за не четких «рубчатых» оттисков [Максимович, 2015].

Обжиг сосудов, по всей видимости, происходил на костре преимущественно, в окислительной среде, о чем свидетельствует светло-коричневый цвет излома черепка с прослойкой в центре черного цвета [Глушков, 1996, с. 81-82].

Об использовании сосудов в качестве емкости для приготовления пищи свидетельствуют следы нагара на его внутренней поверхности [Глушков, 1996, с. 84-87]. Нагар фиксируется на внутренней поверхности 7 сосудов (из 15), на одном сосуде следы нагара отмечены и на внешней стороне.

К особому типу сосудов можно отнести сосуды с «ушками». Вероятнее всего, они имели какое-то специфическое применение. Это сосуды всегда малых размеров и распространены в таежной и подтаежной зонах Ангаро-Енисейского бассейна и встречаются в культурных слоях от неолита до Средневековья меняя свою морфологию [Мандрыка, 1994, с. 124].

А. П. Окладников считал, что ушки являются специальными приспособлениями для подвешивания или даже для переноса сосуда, типа фляги. Также есть и этнографические свидетельства об использовании тунгусами небольших горшков, в которых дымились прутья или гнилое дерево, отпугивающие многочисленных таежных насекомых. [Окладников, 1950, с. 207, 212, 237]. В связи с этим, скородумский сосуд с «ушками» мог служить дымокурором или емкостью для подвешивания и переноса.

Таким образом, хозяйство древних обитателей бронзового века поселения на Скородумском Быке было многокомплексным присваивающим. Древнее население занималось охотой, рыбной ловлей, обработкой шкур, гончарством, художественным оформлением предметов мелкой пластики.

Заключение

Обследование археологических памятников бронзового века Нижней Ангары насчитывает более 130 лет, но, не смотря на это, указанный период остается слабо изученным. Отсутствие многослойных поселений, «чистых» однокультурных комплексов, малое количество зафиксированных могильников и экстенсивный характер изучения памятников не позволяет разработать культурно-хронологическую схему региона. Несмотря на это имеющиеся материалы позволяют определить культурно-хронологическую составляющую этого периода для нижнего течения р. Ангары.

Одним из таких объектов является комплекс бронзового века из поселения на Скородумском Быке. Анализ керамики из поселения показал близость сосудов между собой. Их объединяет наличие под венчиком пояса «жемчужин» и «рубчатых» отпечатков на внешней поверхности. Достаточно часто орнамент дополняется рядами наколов, отпечатков штампа, прочерченными вертикальными и наклонными линиями и другими простыми элементами. Каменная индустрия направлена на получение сколов-заготовок в виде отщепов. Орудия изготавливались на отщепах и сколах различных форм и размеров. Наиболее распространёнными категориями орудий являются отщепы и сколы с обработкой, неопределимые изделия, наконечники стрел. Типологическое сходство вещей поселения, в особенности керамики, позволяет рассматривать материалы из поселения на Скородумском Быке в качестве единого культурно-хронологического комплекса.

Основой представленного комплекса является «рубчатая» керамика которая относится к бронзовому веку и датируется в рамках середина III – II тыс. до н.э. Культурную принадлежность комплекса на данном уровне состояния источников определить затруднительно. Наиболее близкая керамика выявлена в глазковской культуре Прибайкалья, но относить к ней

комплексы Нижней Ангары не корректно, т. к. они различаются по ряду признаков.

Хозяйство древнего населения бронзового века поселения на Скородумском Быке было многокомплексным присваивающим. Люди, жившие здесь, занимались охотой, рыбной ловлей, обработкой шкур, гончарством.

Дальнейшее изучение памятников бронзового века Нижней Ангары позволит заполнить имеющиеся пробелы в культурно-хронологической схеме исторического развития региона.

Список источников и литературы

Источники:

1. Фокин С. М. Отчет об археологических исследованиях в Енисейском и Мотыгинском районах Красноярского края в 2010 г. // ЛАСФУ. Р-1. №106. 359 Л.

2. Сенотрусова П.О. Отчет об археологических исследованиях на объекте археологического наследия «Поселение, грунтовый могильник Скородумный Бык» в Мотыгинском районе Красноярского края в 2013 году // ЛАСФУ. Р-1. №111. 145 Л.

Литература:

3. Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 350–353.

4. Андреев Г. И. Каменные изображения из Туры // СА. – 1970. – № 4. – С. 168–172.

5. Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 42–101.

6. Бердникова Н. Е., Роговской Е. О., Бердников И. М., Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Дударёк С. П. Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 150-191.

7. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978. – 272 с.

8. Бурилов В. В., Березин Д. Ю. Работы на Нижней Ангаре // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: 1987, – С. 118–121.

9. Васильевский Р. С. К итогам работ Илимского археологического отряда в 1967-69 гг // Известия сибирского отделения академии наук СССР: серия общественных наук – 1970. – № 11. – Вып 3. — С. 22 –28.

10. Васильевский Р. С., Аксенов М. П. Археологические исследования в 1967 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2. – С. 135-201.

11. Васильевский Р. С., Березин Д. Ю., Привалихин В. И. Стоянка и могильник Капонир // Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – Новосибирск, 1996. – № 3. – С. 32–39.

12. Васильевский Р. С., Бурилов В. В. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2. – С. 202-284.

13. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск, 1988. – 224 с.

14. Васильевский Р. С., Дроздов Н. И., Березин Д. Ю. Археологические исследования в зоне Богучанской ГЭС // Обзорение полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск, 1995. – С. 150–153.

15. Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары (продолжение) // Известия ВСОРГО. – 1889. – Т. 20, № 2. – С. 1–31.

16. Вртанесян Г. С. Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник ТГУ. История – 2013. – № 3 (23). – С. 112–115.

17. Выборнов А. В., Васильева Ю. А., Корытина Д. В., Михайлова Ю. С. Результаты полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17 – С. 377–380.

18. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики // СА. – М.: Наука. – 1971. – №1. – С. 114–136
19. Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 57-72.
20. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. – Изд. ИИМК РАН. – СПб, 1997. Ч. 2. – 198 с.
21. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
22. Горюнова О. И. История исследования и значение первого в России многослойного геоархеологического объекта Улан-Хада на Байкале // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 10–21.
23. Горюнова О. И. Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск, 1992. – С. 41–56.
24. Горюнова О. И., Новиков А. Г., Лбова Л. В. Раскопки могильника бронзового века Хадарта IV на побережье озера Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 181–185.
25. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1981. – С. 115–125.
26. Гревцов Ю. А., Галухин Л. Л., Журавков С. П. Комплекс углубленных объектов стоянки Чирида // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2011. – Т. 17: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года. – С. 386–390.

27. Дроздов Н. И., Дементьев Д. И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 204–228.

28. Дроздов Н. И., Макулов В. И. К истории археологических исследований КГПУ в Северном Приангарье // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. – Т. 1 – С. 63–68.

29. Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта нижнего течения реки Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 190–212.

30. Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 54–80.

31. Дьяконов В. М. Керамика позднего неолита Якутии (по материалам долины Туймаада) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 104–119.

32. Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 106–115.

33. Кирюшин Ю. Ф., Нохрина Т. И., Петрин В. Т. Методика обработки коллекций каменного инвентаря неолитического времени: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – 65 с.

34. Кичигин Д. Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних

технологий: сб. науч. трудов / Иркутский гос. тех. ун-т. – Иркутск, 2010. – Вып. 8. – С. 154–192.

35. Купчинская Е. С., Купчинский Б. С., Купчинский А. Б. Питание и рост щуки (*Esox Lucius L.*) в Иркутском водохранилище // Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья: сборник научных трудов. – Иркутск, 1995. – С. 78–84.

36. Липнина Е. А., Лохов Д. Н. Спасательные работы на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 448–452.

37. Макаров Н. П. Неолит стоянки Усть-Карабула // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее). Тезисы докладов Краевой конференции (12-18 сентября 1984 г.). – Красноярск: 1984. – 218 с.

38. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 130–175.

39. Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. – С. 131–189.

40. Максимович Л. А. О некоторых аспектах технологии изготовления керамики бронзового века поселения Скородумный Бык // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. – Казань, Болгар, 2015. – С. 211–215.

41. Мандрыка П. В. Типология сосудов-дымокуров // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 124–126.

42. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном

Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – Иркутск, 2014. – Том 8. – С. 63–81.

43. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92–98.

44. Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 559–562.

45. Новиков А. Г., Горюнова О. И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Известия лаборатории древних технологий Иркутского государственного университета. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 125–134.

46. Новиков А. Г. Погребальная практика населения бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. IV. Часть I. Материалы IV Междунар. науч. конф. Чита, 13-19 сент. 2013 г. – Чита: ЗабГУ, 2013. – Ч. I. – С. 319–325.

47. Новиков А. Г., Вебер А. В., Горюнова О. И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 296 с.

48. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I, II. – 412 с. (МИА. № 18).

49. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. III (глазковское время). – 375 с. (МИА. № 43).

50. Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (К итогам работ 1937 г.) // ВДИ. – М., 1939. – №4. – С. 181–186.

51. Панюхин М. В., Глушенко М. А. История исследования палеолитических комплексов среднего Приангарья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 25–36.

52. Привалихин В. И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск, 2013. – С. 73–91.

53. Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин – 1, пункта «А» // Второй век подвижничества: сборник научных статей. – Красноярск: КККМ, 2011. – С. 150–160.

54. Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. – Красноярск, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

55. Привалихин В. И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременный могильник Северного Приангарья // Сиб. межмузейный сб. – Красноярск, 1998. – Вып. 1. – С. 72–87.

56. Пупаева Л. А. "Рубчатая" керамика поселения Скородумный Бык на р. Ангаре // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 101–102.

57. Пупаева Л. А. Каменные изображения рыб с поселения Скородумный Бык на Ангаре // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Региональной (X Всероссийская с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск : СФУ, 2014. – С. 80–83.

58. Пупаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык // Древности Приенисейской

Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – с. 59–66.

59. Рыбин Е. П., Кубан А. А., Мещерин М. Н., Фролов Я. В. Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков Ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – Ч. 1. – С. 575–581.

60. Рыбин Е. П., Славинский В. С., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г. Исследования стоянки Усть-Тушама-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 473–477.

61. Савин А. Н., Солодская О. В., Груздева Е. А. Исследование поселенческого комплекса Усть-Верея-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 483–485.

62. Савин А. Н., Солодская О. В., Ольшанецкая В. Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 463–468.

63. Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итог. сессии ИАЭТ СО РАН 2010 года. – Новосибирск, 2010. – Т. 16. – С. 582–586.

64. Свинин В. В. Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: изд-во ИГПУ, 2000. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 128–145.

65. Сенотрусова П. О. Стоянка Абакан-18 – новый памятник бронзового века в Нижнем Приангарье // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр.– Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 52–58.

66. Славинский В. С., Цыбанков А. А. Богучанская археологическая экспедиция: научные результаты // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург – Сургут: Изд-во Магеллан, 2013. – С. 252–255.

67. Соколов В. Н. Долгая – поселение эпохи бронзы и раннего железного века на Средней Ангаре // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 1996. – Вып. 1. – С. 57 – 66.

68. Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – Т. 12. – Вып. 5. – С. 19–27.

69. Уиттакер Дж. Ч., Алаев С. Н., Алаева Т. В. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент. – Иркутск: Оттиск, 2004. – 312 с.

70. Уланов И. В., Бердников И. М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 12. – С. 47–80.

71. Федоров С. В., Дударек С. П. Каменные наконечники стрел эпохи неолита и раннего бронзового века с многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Едарма II в Северном Приангарье // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С.87–89.

72. Федосеева С. А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

73. Фокин С. М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск, 2009. – Т. 1. – С. 164–167.

74. Фокин С. М. Новый голоценовый памятник Нижнего Приангарья поселение-могильник Скородумный Бык // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы международной науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. – Иркутск: Отгиск, 2015. – 504 с.

75. Харевич В. М., Князева Е. В., Стасюк И. В. Новый тип абразивных инструментов (по материалам голоценовых комплексов Северного Приангарья) // Вестник НГУ, серия: история, филология – 2013. – Т.12, Вып. 7. – С.77–86.

76. Харинский А. В. Северо-Западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 86–132.

77. Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–344.

78. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика в системе научного эксперимента // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы международной полевой научной конференции. – Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2013. – С. 31–39.

79. Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Колонцов С. В., Марковский Г. И., Присекайло А. А., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 105 с.

Список иллюстраций

Рис. 1. Наименование отдельных частей сосуда.

Рис. 2. Номенклатурная схема некоторых элементов венчиков сосудов

Рис. 3. Поселение на Скородумском Быке на карте.

Рис. 4. Топографический план поселения Скородумный Бык.

Рис. 5. Стратиграфия почвенных отложений.

Рис. 6. Керамические сосуды комплекса бронзового века.

Рис. 7. Варианты орнаментации керамических сосудов.

Рис. 8. Нуклевидные изделия.

Рис. 9. Каменные орудия.

Рис. 10. Керамика Прибайкалья и Нижней Ангары

Рис. 11. Каменные изображения рыб

Рис. 12. Этнографические рыбки приманки, современные воблеры

Рис. 13. Керамические сосуды.

Рис. 14. Фотография отдельного оттиска от удара «рубчатой» лопаткой.

Рис. 15. Экспериментальные оттиски

Рис. 16. Экспериментальные оттиски.

Рис. 17. Экспериментальные оттиски.

Рис. 18. Оттиски торца «рубчатой» лопатки на «ушках» сосудов.

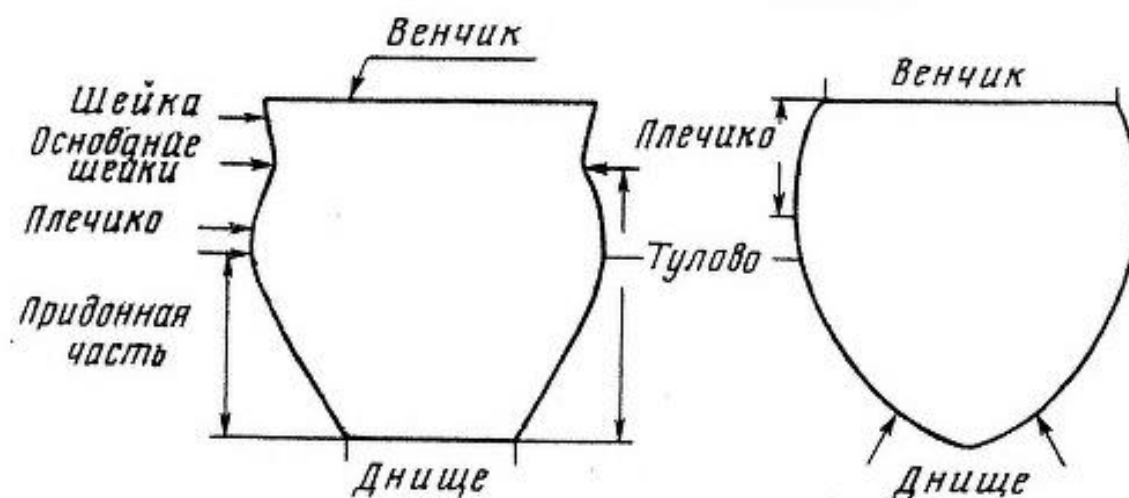
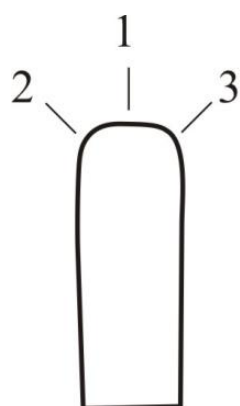

Рис. 1. Наименование отдельных частей сосуда [по Генингу, 1973].

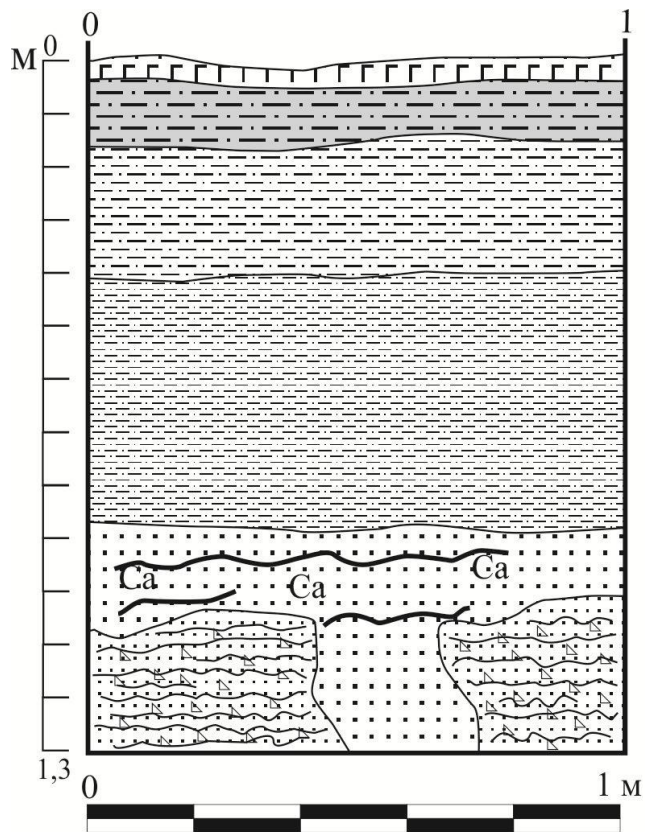

- 1 – верхняя поверхность;
- 2 – внутренний край;
- 3 – внешний край.

Рис. 2. Номенклатурная схема некоторых элементов венчиков сосудов [по Горюновой, Савельеву, 1981].

Рис. 3. Поселение на Скородумском Быке на карте.

Условные обозначения:

|||| -1
 ----- -2
 \ \ \ \ -3
 XXXX -4
 Ca -5
 ~~~~ -6

1 - дерн; 2 - темно-серая супесь; 3 - бурая супесь; 4 - серая супесь;
5 - серый песок; 6 - серый слоистый песок со щебнем.

Рис. 5. Стратиграфия почвенных отложений.

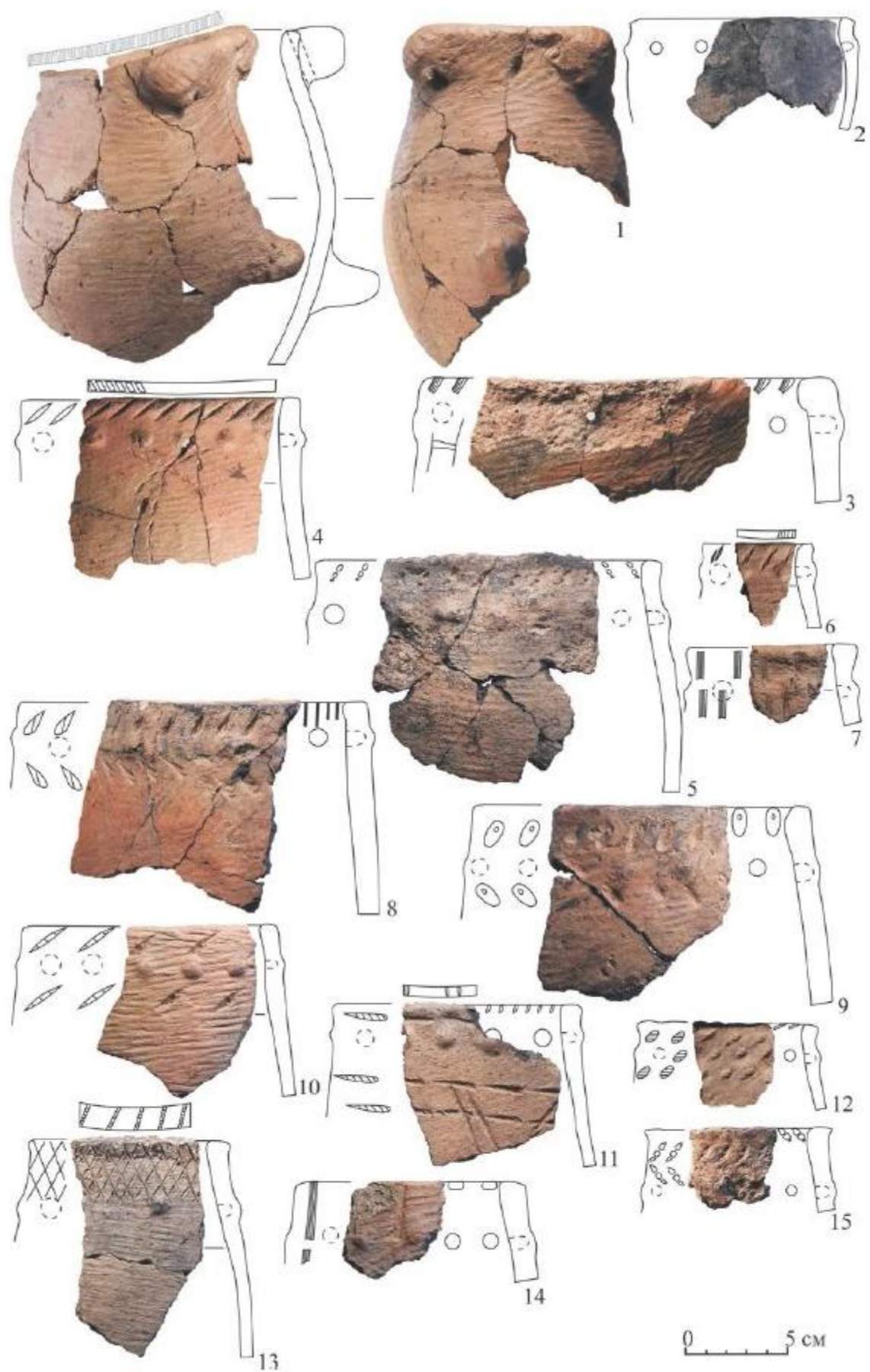
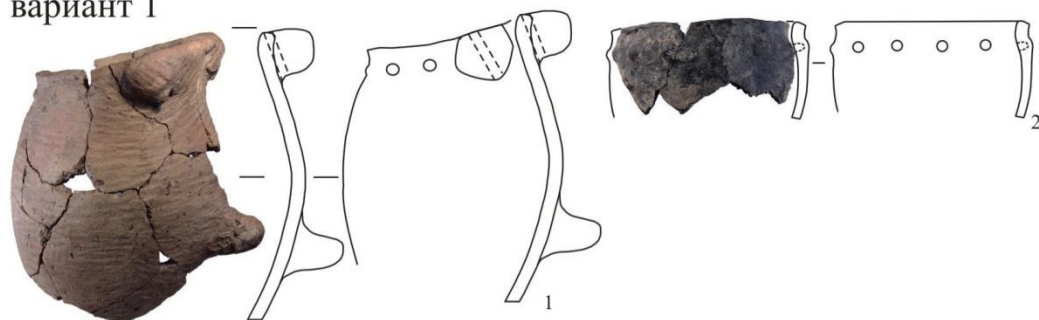
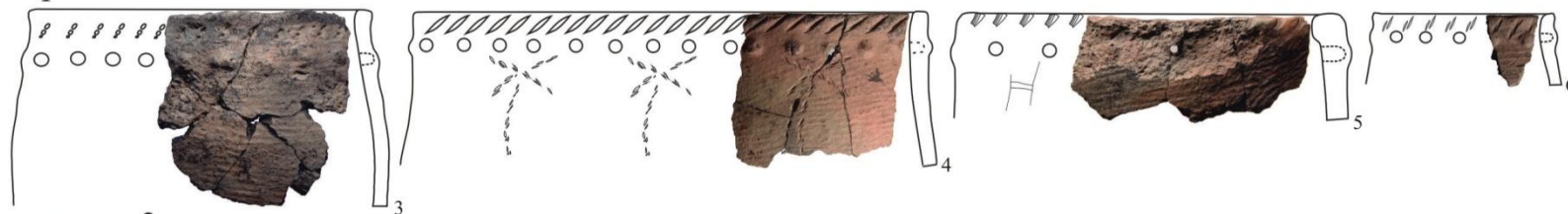

Рис. 6. Керамические сосуды комплекса бронзового века.

вариант 1

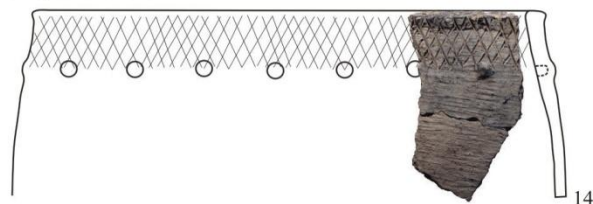
вариант 2

вариант 3

вариант 4

вариант 5

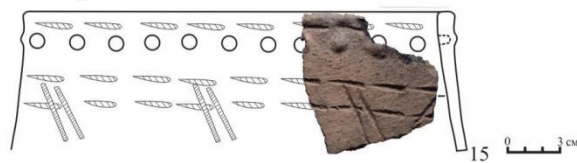

Рис. 7. Варианты орнаментации керамических сосудов.

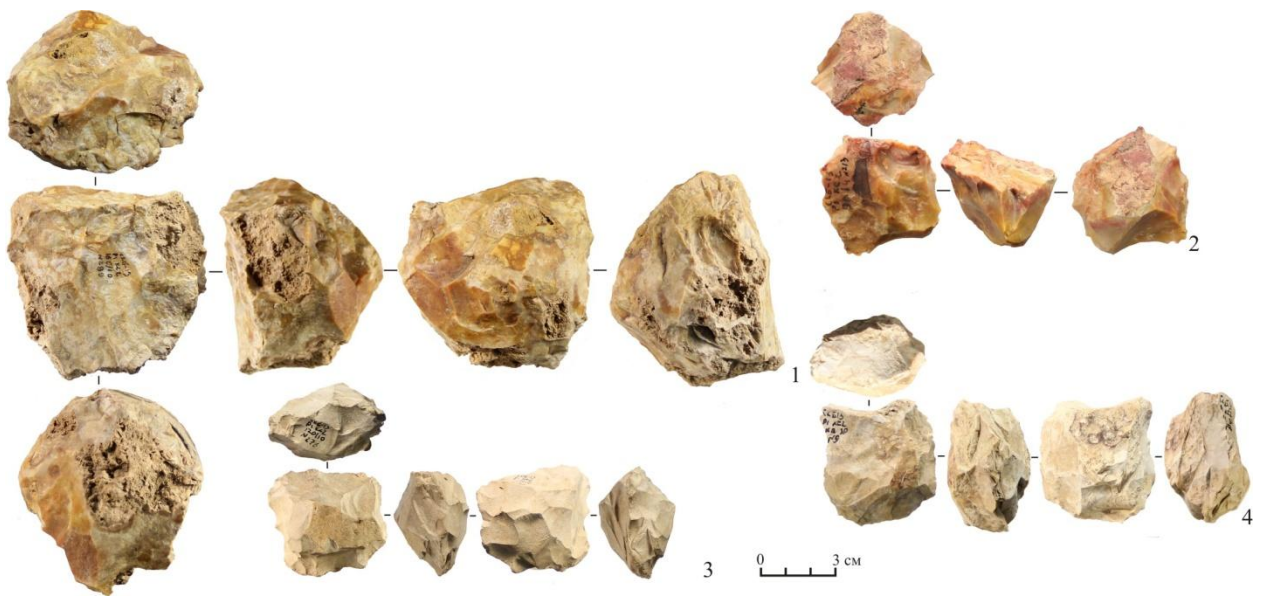

Рис. 8. Нуклевидные изделия.

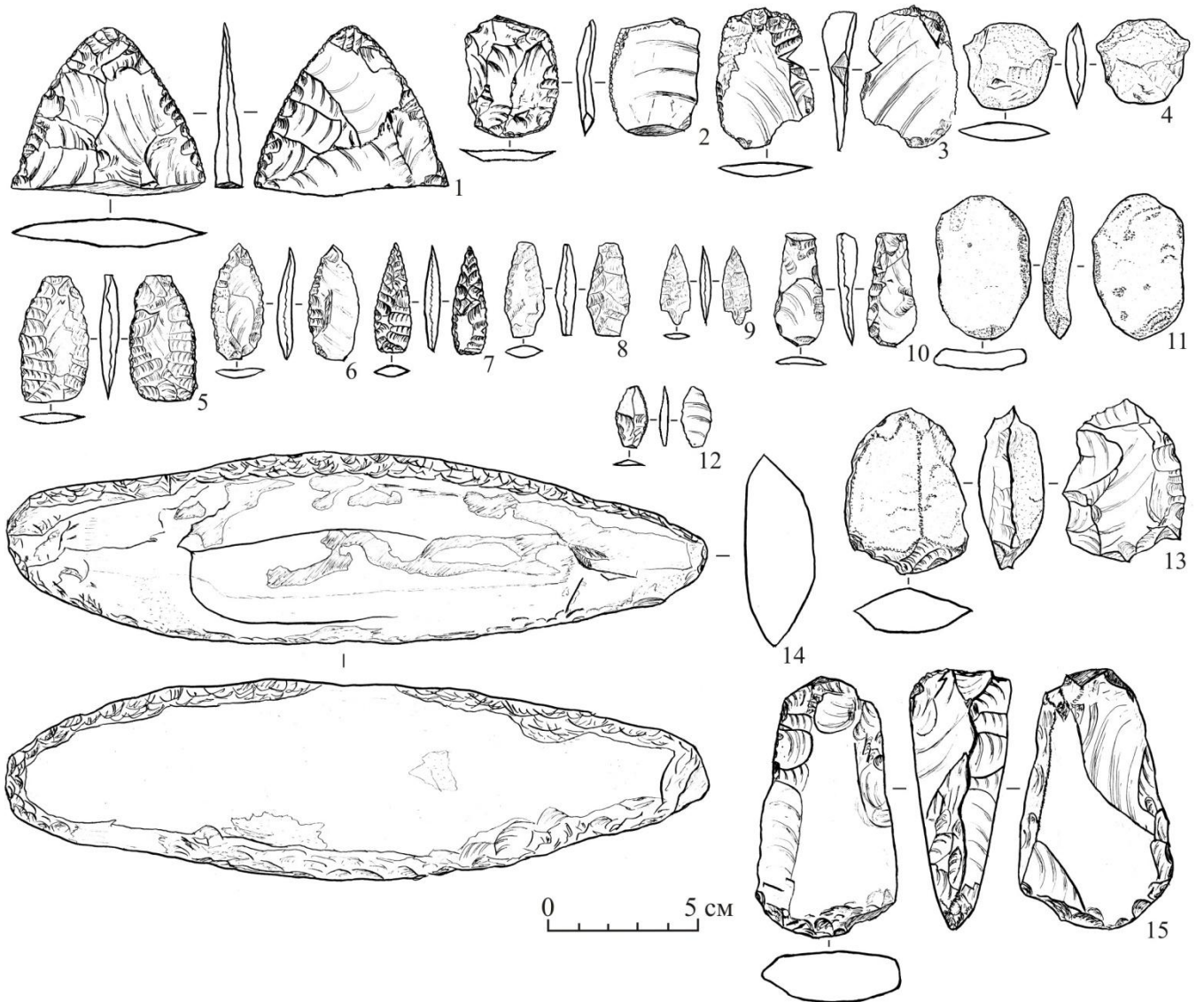

Рис. 9. Каменные орудия.

Керамика из глазковских погребений Прибайкалья

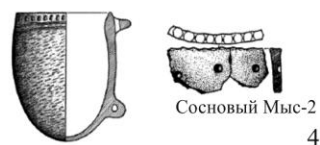
[по Окладникову, 1950]

Керамика из глазковских поселений Прибайкалья

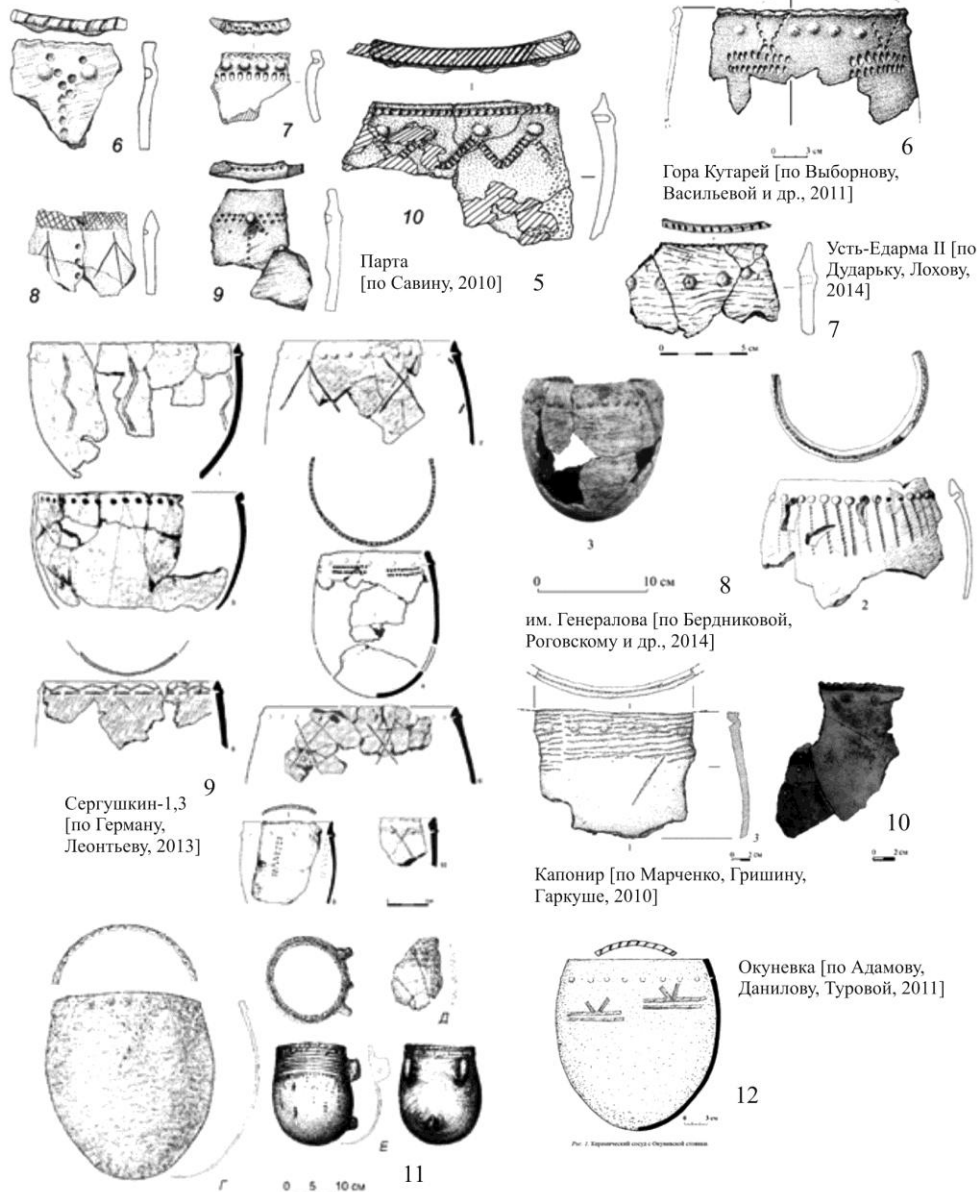
1-23, 25 - Улан-Хада; 24 - Горелый Лес
[по Хлобыстин, 1987]

Керамика из погребений Нижней Ангары

Сергушкин-3
[по Привалинину, 1998, 2009]

Керамика из поселений Нижней Ангары

Ручей Конный-3 [по Савину, Солодской, Ольшанецкой, 2011]

Рис. 10. Керамика Прибайкалья и Нижней Ангары

Керамика из поселений Нижней Ангары

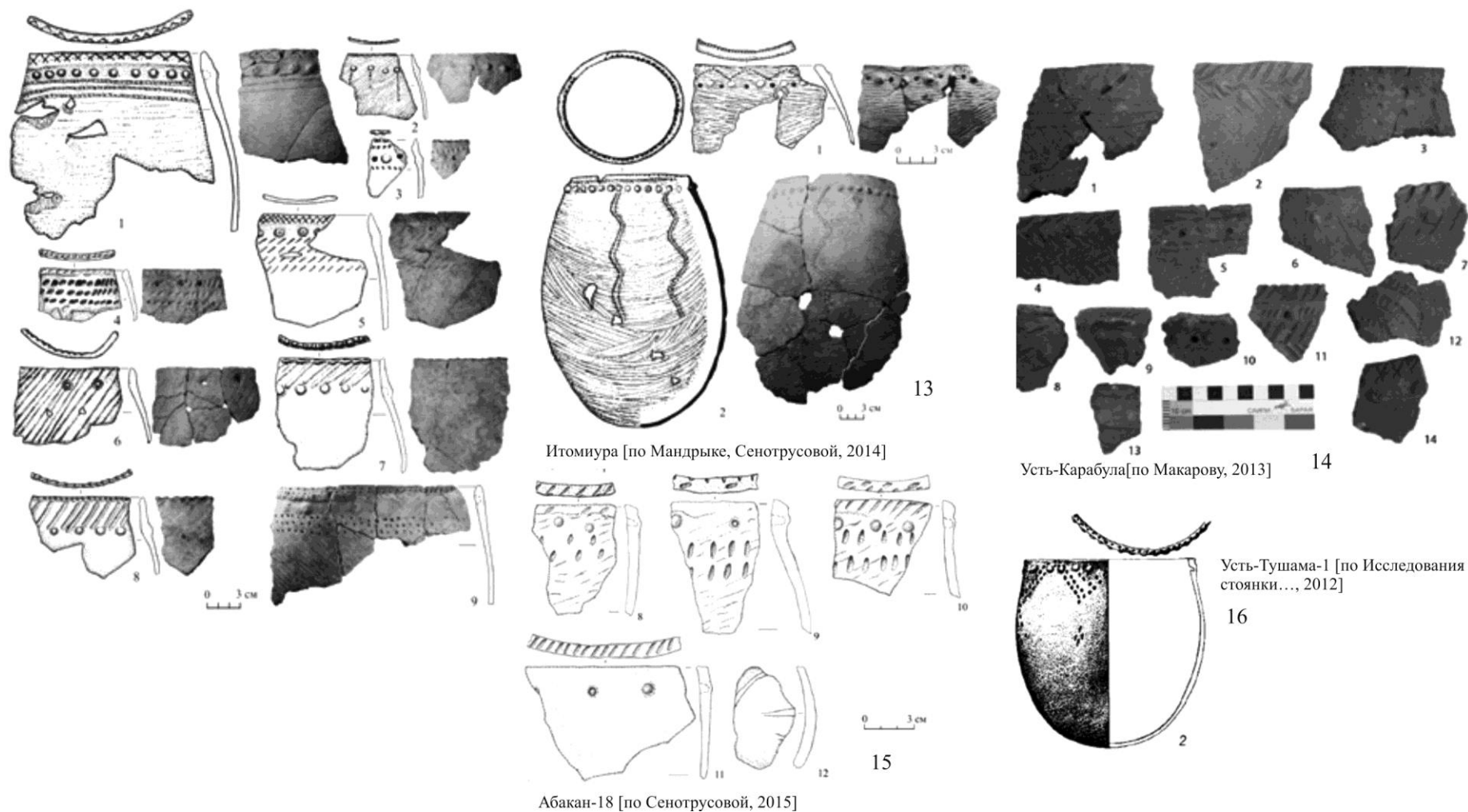

Рис. 10 (окончание). Керамика Прибайкалья и Нижней Ангары

Рис. 11. Каменные изображения рыб (1 – заготовка из слоя; 2 – готовая скульптура из наброса)

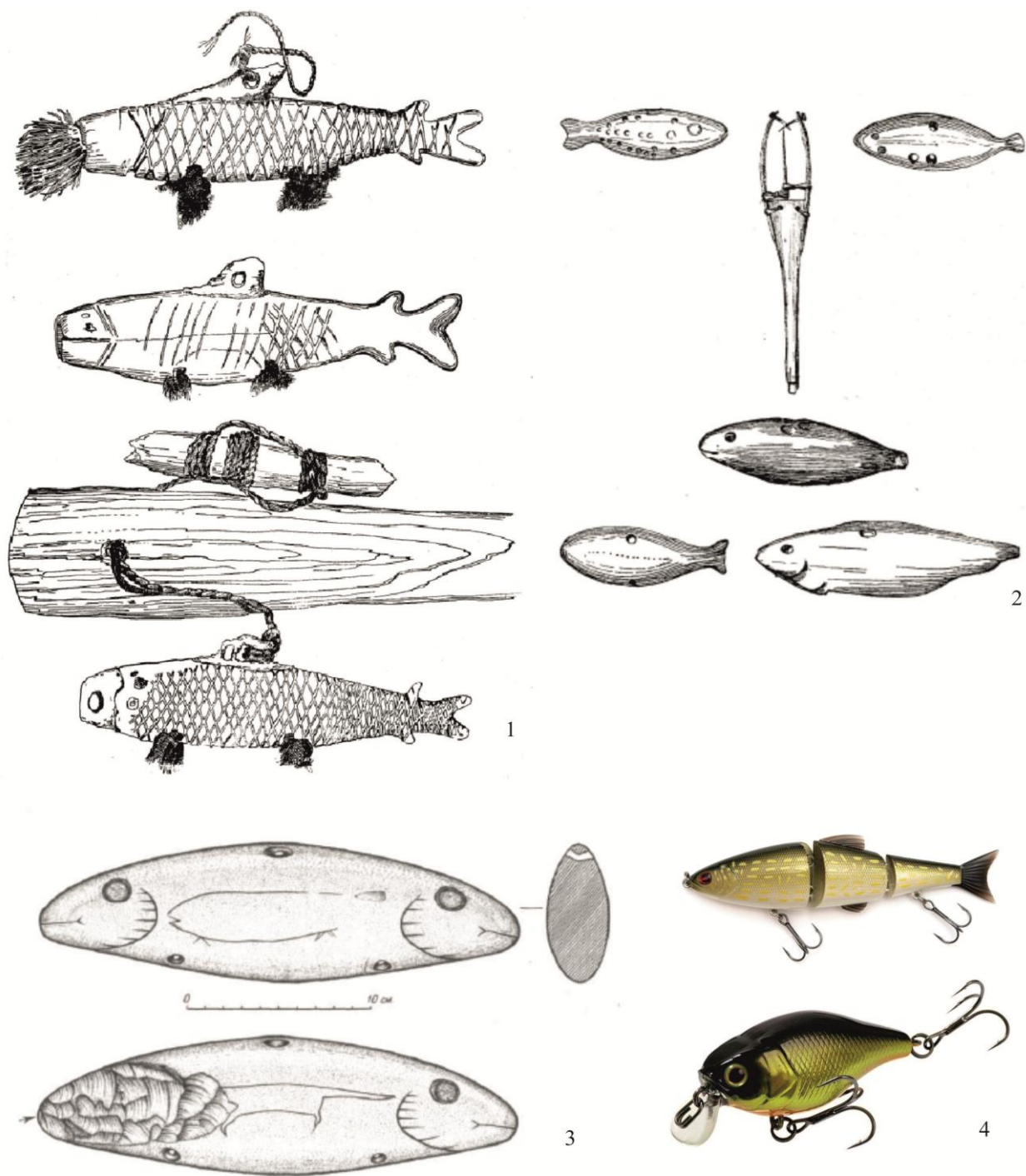
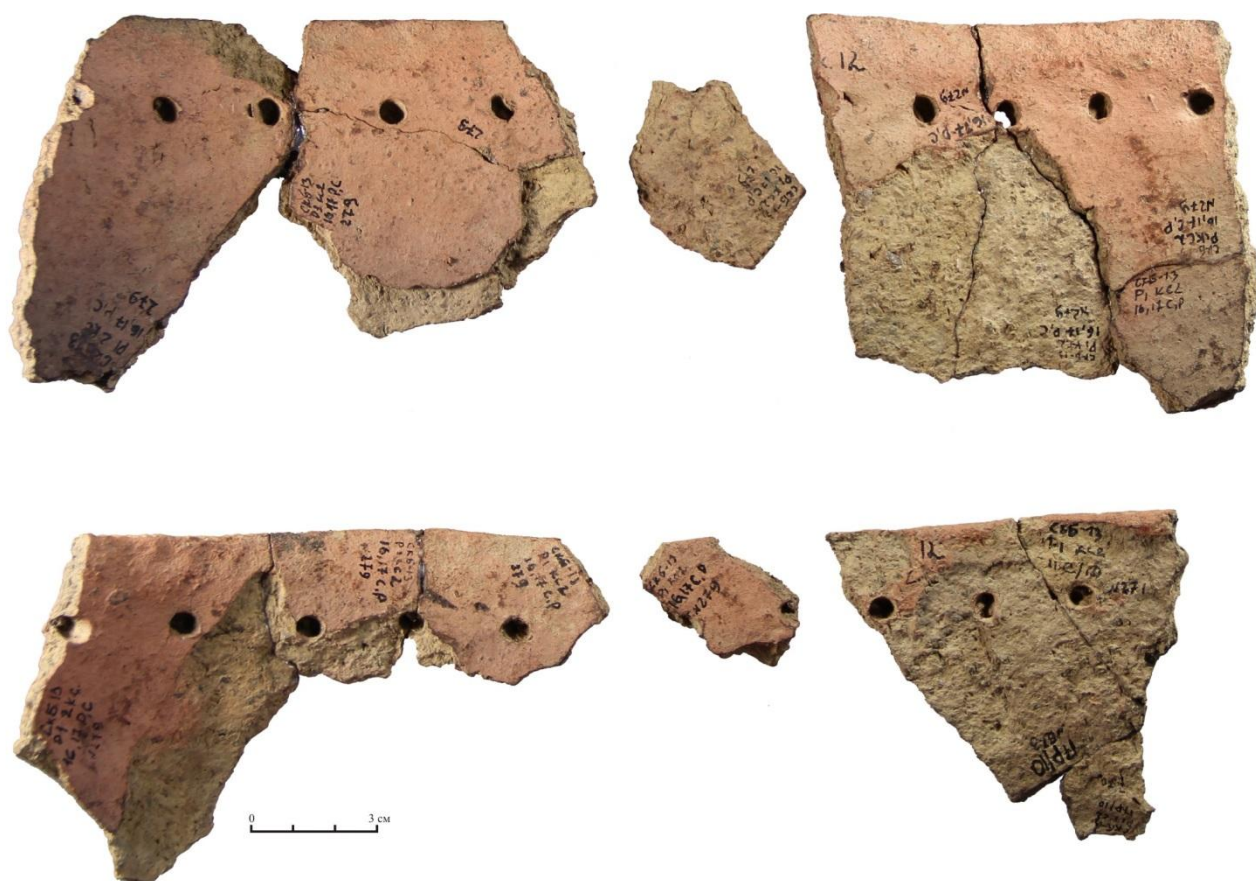

Рис. 12. 1 – Эвенкийские костяные рыбки-приманки; 2 – эскимосские костяные рыбки-приманки [по Окладников, 1950, с. 255, 252, рис. 80, 79]; 3 – каменное изображение рыбы поселок Ангарский 1 [по Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 206, рис. 4]; 4 – современный воблер для ловли хищной рыбы.

1

2

Рис. 13. Керамические сосуды (1 – внутренняя поверхность сосуда № 8 с отслаивающимися фрагментами в продольном и поперечном направлении; 2 – следы от «наковаленки» на внутренней поверхности сосуда № 2).

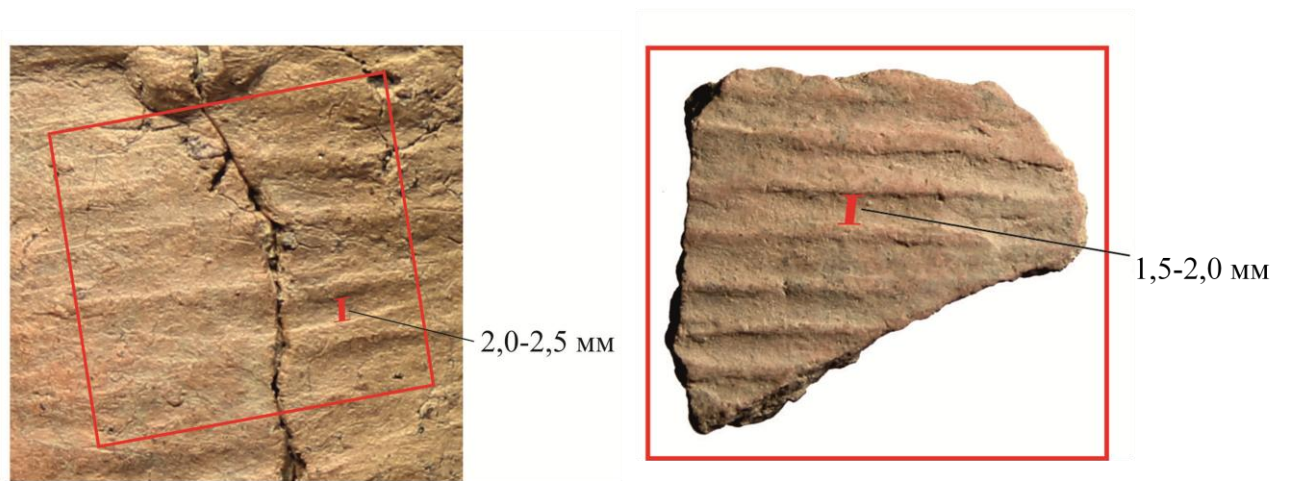

Рис. 14. Фотография отдельного оттиска от удара «рубчатой» лопаткой.

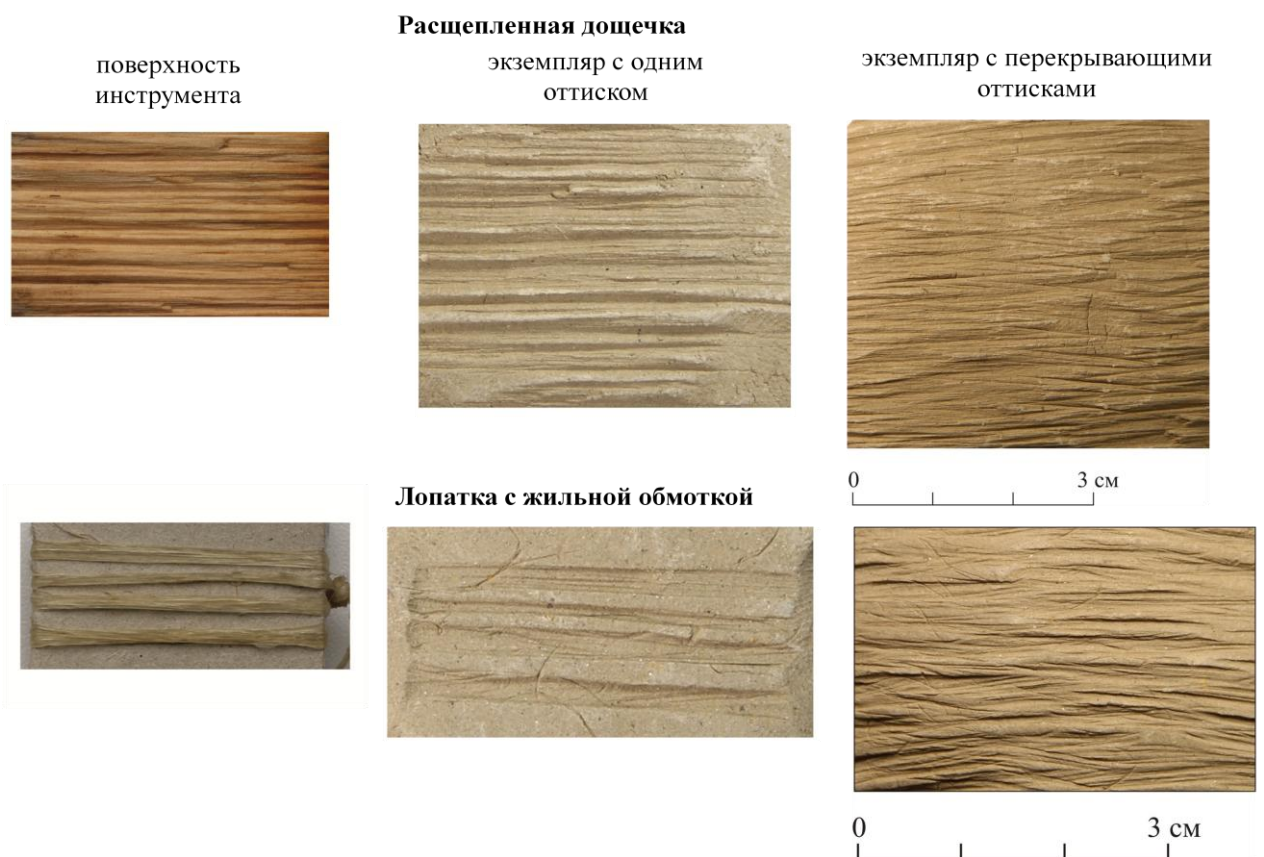

Рис. 15. Экспериментальные оттиски.

Лопатка с желобками, прорезанными резцом против волокон дерева

Лопатка с желобками, прорезанными резцом по волокну дерева

Лопатка с желобками, прорезанными каменным ножом

Рис. 16. Экспериментальные оттиски.

Лопатка с желобками, прорезанными каменным не ретушированным ножом

поверхность
инструмента

экземпляр с одним
оттиском

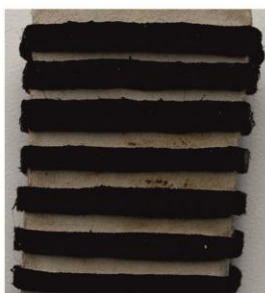

экземпляр с перекрывающимися
оттисками

0 3 см

Лопатка, обмотанная кожаным шнуром

0 3 см

Рис. 17. Экспериментальные оттиски.

0 3 см

0 3 см

2

0 3 см

0 3 см

3

4

Рис. 18. 1-2 – оттиски торца «рубчатой» лопатки на «ушках» сосудов из слоя; 3 – экспериментальный оттиск торца «рубчатой» лопатки; 4 - оттиски «рубчатой» лопатки на внутренней стороне фрагмента стенки.